

Б. Конофальский

РЕЙД. ОАЗИСЫ

**СТАРШИЕ
СЫНОВЬЯ**

18+

Борис Конофальский

Рейд. Оазисы. Старшие сыновья

«Автор»

2021

Конофальский Б.

Рейд. Оазисы. Старшие сыновья / Б. Конофальский — «Автор»,
2021

Продолжение приключений уполномоченного Горохова в бескрайней пустыне.

© Конофальский Б., 2021

© Автор, 2021

Борис Конофальский

Рейд. Оазисы. Старшие сыновья

Глава 1

Лодка еле тащится против течения. Иной раз кажется – она просто стоит на месте. Горохов знает, что до нужного ему места рукой подать, даже пешком по берегу, по барханам, он смог бы дойти часа за четыре, а на мотоцикле и в час уложился бы. Но ему было нужно именно приплыть туда в лодке. Вот он и плывёт. Берег оброс высоким рогозом, камышом. Какие-то диковинные твари шуршат там, шевелятся, иной раз вылезая на свет, на открытую воду. На всякий случай он держит в левой руке дробовик, а в правой сигарету.

Нет ещё и часа дня, а на термометре почти пятьдесят. Что тогда тут будет в три? Он запахнул пыльник поплотнее, чтобы жара не проникала под одежду. Нужно было укутать и голову, фуражки и тряпки, прикрывающей затылок и шею, было мало, но ему не хотелось суетиться. Надо было докуривать и убираться с солнца. Даже через толстую подошву сапог он чувствовал вибрацию и то, что старый и кривой лист железа раскалён. Он видел дым, что шёл из-под него. Нет, это было не марево, не горячий воздух, не выхлоп, это был легкий, едва заметный дым. Чувствовался запах гари. До Полазны было ещё часов шесть, не меньше, впрочем, тут, на реке, с такой скоростью движения он мог ошибиться и неточно определить время и расстояние. Горохов на секунду оттянул респиратор, сделал последнюю большую затяжку, стрельнул окурком в воду и, плюнув на раскалённое железо, пошёл по палубе к рубке.

Единственное место, где можно спрятаться от жары, – рубка. Тут, под полом, молотит редуктор не переставая, шумно, но зато в рубке чуть больше тридцати. Можно раздеться и подремать. Конечно, могло бы быть ещё лучше, но рубка не герметизирована. Стёкла болтаются в рамах, швы сварки кое-где полопались, дверь запирается неплотно. Наверное, это худшее корыто, что ходит по Каме. Но никто другой за двадцатку идти до Полазны не соглашался. Пришлось нанять эту лодку.

– Жупан, – Горохов снимает фуражку, он почти кричит, чтобы перекричать грохот редуктора, – там из-под палубы дым идёт.

– Хрен с ним, – беспечно отвечает хозяин лодки, – это уплотнители в движке горят, всё нормально.

«Уплотнители горят – всё нормально? Ну ладно». Горохов смотрит на капитана, отходит от него и садится, но садится не на шконку с грязным и примятым матрасом, а на мешки с горохом, что свалены у стены под кондиционером. Распахивает пыльник, стягивает перчатки и снимает с шеи респиратор. Самое прохладное место. Тут, наверное, тридцать, не больше. Андрей Николаевич вытягивает ноги. Да, так хорошо. У него есть примерено час. Но подремать, видимо, не получится. Левый берег пошёл крутой, высокий, а лодка так и жмётся к нему, как будто места на реке больше нет. Это Горохову не нравится. Судя по всему, этот Жупан человек беспечный, если не сказать тупой. Тем не менее, он как-то выживает, гоняя по Каме свою калошу. Горохов встаёт.

– Слышь, капитан, ты бы не жался к берегу. Может, возьмёшь ближе к середине реки? – он показывает на крутые берега, нависающие над водой. – Тут город далеко, а дарги могут бродить вдоль берега, подойдут к реке и расстреляют твой прекрасный корабль. И меня вместе с тобой. Мы же тут просто мишень.

– Мы и на серёдке будем хорошей мишенью, невелика разница, только чтобы нас увидеть тут, под берегом, нужно подойти к самому краю, а чтобы увидеть на середине реки, нужно залезть на любой бархан в степи, – Жупан, кажется, смеётся над ним. – Не бойсь, инженер, даргов к реке казаки не пускают, если кто нас тут и расстреляет, так это они. Казачки как раз тут по берегу кочуют.

«Казачки кочуют – это хорошо, лишь бы сейчас на берегу не сидели».

Они инженеру и нужны, для них он везёт ценный подарок. Ладно, пусть так. Горохов вглядывается в левый берег, он уже ищет место. Прежде чем он прибудет, им надо будет ненадолго остановиться. Ему нужно кое-что сделать. Жупан об этом предупреждён. Горохов подходит к нему и становится рядом. Пора уже начинать выбирать место для стоянки.

Капитан редко моется, хотя «опреснитель» на его корыте имеется. Он толстоват для здешних температур, фурункулы на лице и шее, зубы плохие, клочковатой щетиной пытается маскировать проказу на подбородке, от него пахнет самогоном.

– Значит, казаки? – спрашивает Горохов, глядя на левый берег реки.

– Да, они по берегу кочуют, им вода и масло для квадроциклов нужны, так что далеко от реки не отходят, а даргов... даргов тут мало, – кричит капитан, перебивая работу редутора.

– Всё равно мне кажется, что на середине реки будет безопаснее.

– Это тебе так кажется, инженер, – капитан опять смотрит на него чуть свысока: мол, что тебе там может казаться, саранча ты сухопутная, – а после объясняет, – там на середине омут на омуте, и в каждом по бегемоту, а в каждом бегемоте по пятнадцать-двадцать центнеров, они злобные – ужас, кидаются на каждую проплывающую лодку и бьют её снизу, врежет так, что подпрыгнешь. В позапрошлый мой рейс один такой так врезал, что корма потекла. Шов на днище у винта разошёлся.

Горохов больше спорить не хочет, понятно, что Жупану лучше знать, как ходить по реке.

– Да и расход топлива на середине побольше будет, – добавляет Жупан и заканчивает разговор, – ты бы поспал, инженер, до Полазны ещё часов пять хода, до темноты, думаю, дойдём, а если кто по нам начнёт стрелять, я тебя разбужу, – ухмыльнулся капитан.

– Ты забыл? – говорит ему Горохов. – Нам ещё остановиться нужно. Кое-что выгрузить. Ты давай ищи место, шутник. На левом берегу смотри.

Капитан опять ухмыляется. «Шутник». Горохов понимает, отходит от него, снова садится под кондиционер на мешки.

Но долго сидеть ему не пришлось.

– Эй, инженер, – кричит капитан, – вон место. И приметное, и глубокое, я там смогу к самому берегу подойти.

Горохов встаёт, смотрит, куда кивает Жупан: по левую руку обрывистый, крутой берег. А на берегу, как клык, над обрывом торчит скала из жёлтого песчаника. Да, место приметное, его потом будет нетрудно найти, даже подходя к нему со стороны степи.

– Пристанешь? – кричит он капитану.

Тот кивает головой:

– Прямо под тем обрывом.

Инженер кивает головой: добро. Начинает одеваться. Ему предстоит нелёгкая работёнка.

Напрягая и так дымящийся двигатель, лодка с разворота, на предельных оборотах маневрируя против течения, подходит к удобному участку берега. Капитан всё выравнивает и выравнивает её, пока она не упирается носом в песок. Рогоза на этой стороне почти нет, не вырос, видно, берег недавно менялся. Это хорошо. Пыльца не будет ежеминутно забивать респиратор, когда придётся копать.

Горохов уже закутался в пыльник, а голову, вместе с фуражкой, замотал большим платком – мало того, что уже перевалило за пятьдесят, так ему ещё в этой жаре предстояло работать. Физически работать. Он уже кое-что выволок из трюма на палубу: один небольшой, но тяжёлый ящик, один ящик лёгкий, двадцатилитровую канистру с рыбьим жиром, двадцатилитровую канистру с водой, упаковку с едой, кукурузные галеты, чипсы из дрофы, вяленое мясо варана и упаковку из шести литровых банок с консервированными персиками. Редкий и дорогой деликатес, в эти края привезённый с далёкого севера. Дальше кофр с отличной шести-

зарядной семимиллиметровой винтовкой-полуавтоматом Т-6, новый дробовик, девятимиллиметровый восьмизарядный пистолет. И последнее – два тяжелых баллона по двадцать литров. Баллоны стальные, на кранах заглушки и пломбы на проволоке. Они покрашены в унылый зелёный цвет. Ни единой буквы, ни цифры. Что в баллонах – по внешнему виду непонятно. И именно они заинтересовали Жупана, он вышел на палубу без маски и без очков, лишь шляпу натянул на затылок и теперь рассматривал вещи инженера.

– А это чё? – Жупан катает подошвой ботинка один из баллонов по палубе.

– Убери ногу, – говорит ему инженер, – с огнём играешь. Бахнет, так от твоего корыта даже мусора не останется. Не говоря уже про нас с тобой.

– А, взрывчатка, – догадывается капитан.

– А что ты ещё хотел найти у горного инженера? Самогон? – говорит Горохов, берёт лопату и спрыгивает с носа лодки на песок.

– Просто странно это: взрывчатка в баллонах, – продолжает Жупан.

– А что тут странного? Ты знаешь про омуты на реке и про бегемотов, а я знаю, как перевозить взрывчатку, – инженер отходит от лодки, осматривается.

Место хорошее, клык скалы крепкий, не обвалится. Всё можно закапывать тут, вещи не засыплет песком при обвале стены. Он втыкает лопату в грунт и начинает перетаскивать вещи с носа лодки подальше от воды. Жупан ему помогает, подаёт их сверху. Пятнадцать метров чуть вверх по песку и с небольшим грузом. Казалось бы, ерунда, но это не тогда, когда на термометре за пятьдесят и ты закутан от жары в тряпки и дышишь через респиратор. Пока несколько раз сходил от лодки до нужного места, пока всё перенёс – весь взмок. Остановился передохнуть, перевести дух, стянул респиратор и, показав лопату Жупану, крикнул:

– Не хочешь помочь?

– Я капитан, мне по рангу не положено, – ответил тот и пошёл в рубку.

– А, ну да, конечно..., – Горохов натянул маску и стал копать.

Три удара лопатой – остановка. Передых. Снова три удара. Грунт мягкий, влажный, но пятьдесят три градуса и в респираторе... Это непросто. Наконец яма была готова, он сложил туда вещи и присыпал землёй наполовину. Эту землю как следует утрамбовал. Это хорошо, что Жупан ушёл в рубку. Горохов оглянулся на лодку, всё в порядке, Жупана не видно. Он достал из-за спины, из-за пояса, твёрдый прямоугольный брус величиной чуть больше ладони, замотанный изолентой. С одной стороны бруса кусок железного листа, с другой стороны замысловатая скоба с пружиной. Инженер очень аккуратно взводит пружину до щелчка и кладёт этот брусик на утрамбованную землю. Дальше, не спеша и руками, а не лопатой, начинает насыпать на брусик землю. И лишь присыпав его, он снова берётся за лопату. Через пять минут всё закончено. Потом там же, в паре метров от схрона, он присыпает и лопату. Инженер устал так, что еле влез на раскалённую палубу лодки. Как только он влез, сразу затарахтел мотор, зашумел бурун под кормой, винты стягивают лодку назад. Горохов успевает достать небольшой секстан. Смотрит на солнце, на часы. И шепчет:

– Пятьдесят восемь, сорок шесть. Пятьдесят шесть, сорок.

Он запоминает эти цифры и идёт в рубку, ему очень нужно раздеться, остыть. И выпить воды, конечно.

Всё, доплыли без лишних приключений. Горохов стоит рядом с Жупаном, он бы вздохнул спокойно, Полазна уже видна в горячем мареве уходящего дня, час хода – и можно будет швартоваться, но река заметно обмелела. Проплешины песчаных банок всё чаще и чаще виднеются в рыжей воде. Как бы не сесть на одну такую. Жупан тут бывал не раз, но река часто меняется, по сути, меняется после каждого дождя, после каждой песчаной бури. Так что никогда не угадаешь, где под отравленной амёбами водой прячется песчаная отмель. Инженер смотрит по сторонам, молчит, старается не мешать. Капитан сосредоточен, держит малый ход, всё время маневрирует. Уже не шутит и ведёт лодку, то увеличивая, то уменьшая обороты дви-

гателя. Проходит час, прежде чем они, минуя банки и отмели, входят в почти стоячую воду бухты. Горохов внимательно рассматривает всё вокруг. Бетонные пирсы? Сразу видно – древние, под облупившимся бетоном настоящее железо. Сейчас никто не будет тратить железо так бездумно.

У пирсов две лодки и баржа. Дальше за причалами дома. Настоящие дома из бетона. Ого, мачты ветротурбин! Солнечные панели. Место оживлённое. С некоторых пор. Ещё пять лет назад эта бухта была всего-навсего последней удобной укрепленной точкой, базой для старателей, что шли в Пермь за добычей. А теперь, погляди-ка, целый город.

Мужик машет им рукой с одного из свободных причалов. Жупан рулит к нему. Подходит, развернувшись боротом, и сразу на корму ему прыгает человек, хватая швартов, начинает швартовать лодку.

– Всё, приехали, – говорит капитан и глушит двигатель.

Тишина. После двенадцати часов непрерывного тарахтения двигателя и стука редуктора – это удовольствие. Горохов открывает дверь рубки, выходит на палубу; тут, у реки респиратор лучше не снимать. Везде у кромки воды растёт рогоз, весь сплошь усеян красным грибком. В воздухе при каждом порыве вечернего ветра повисает облако красной пылицы. Грибы – верная смерть. Только не быстрая. При вдыхании селится в лёгких и, разрастаясь там, сводит человека за пять лет в могилу. Тут без респиратора лучше курить, чем дышать. На улице уже не так жарит, как днём, он смотрит на термометр, тот показывает тридцать девять. Это в семь часов вечера. Впрочем, Горохов думал, что будет хуже.

– Эй, – орёт ему с берега какой-то мужик в широкополой шляпе и чёрном респираторе, – чё привёз?

Через респиратор его не очень хорошо слышно.

Но Горохов понимает, мотает головой:

– Ничего.

– Как ничего? – не верит мужик. – Я проверю.

Инженер кивает ему и делает жест рукой: конечно, проверяй, сколько влезет. Мужик не один, их двое, но второй, тот, что с оружием, садится невдалеке на ящик, кладёт дробовик на колени. Первый лезет на лодку, останавливается около инженера, оглядывает его с головы до ног:

– Так, документики имеются какие-нибудь?

Инженер достаёт из внутреннего кармана пыльника бумагу, протягивает её мужику в шляпе, тот читает:

– Калинин Сергей Владимирович. Березняки.

– Ну да.

– Горный инженер, значит.

– Горный инженер, – подтверждает Горохов.

– Далеко забрался, горный инженер. Чего приехал?

– Воду поищу у вас. Может, найду что, – говорит инженер.

– Воду, значит? – переспрашивает мужик в шляпе. Но документы отдаёт. – Ладно, давай показывай, что привёз.

Горохов кивает на капитана:

– Вон хозяин.

Мужик в шляпе и Жупан начинают осматривать лодку, но в трюме ничего не находят, в рубке, кроме пары мешков еды, тоже. Мужик явно разочарован, судя по всему, он хотел взять какую-нибудь пошлину, но никакого товара в лодке не было:

– А это что? – радостно кричит, обнаружив на корме лодки мотоцикл под брезентом. – Чей?

– Мой, – говорит инженер. – Это не на продажу.

– А там что ещё? – мужик в шляпе заглядывает под брезент.

– Канистра с водой, канистра с маслом, патроны, пара гранат, еда, личные вещи, – отвечает Горохов. – У меня ничего нет на продажу.

Да, мужик явно разочарован, он кивает Жупану и уходит с лодки, забрав с собой дождавшегося его товарища.

Горохов и Жупан не без труда выкатывают мотоцикл с лодки по сходням, останавливаются на пирсе и закуривают:

– Короче, как договорились, – говорит инженер, – я пять дней помотаюсь по окрестностям, ты меня ждёшь. И потом обратно. Как вернёмся, я тебе отдаю пять рублей.

– Ладно, – кивает Жупан, Горохов ему уже заплатил пятнадцать рублей вперед, – жду пять дней. Может, какой груз на обратку за это время найду. Или пассажиров.

– Думаю, найдёшь, – кивает инженер и протягивает капитану руку. – Отсюда, говорят, людишки с добычей, взятой в городе, на север отплывают.

– Вот этих вот не нужно, – рассудительно произнёс капитан, – половина из них так никуда и не доплывают со своей добычей. Пропадают по дороге вместе со своей добычей, вместе с транспортом. Говорю же, тут казаки орудуют по всему берегу.

Горохов понимающе кивнул, на том они и расстались.

Глава 2

Быстро стемнело, и городишко сразу поделился на две части. Дома тёмные, с закрытыми железными ставнями и дверьми. Дома светлые – окна и двери стеклянные, а внутри музыка, пьяный галдёж, а на улице зазывалы у дверей.

– Мужчина, мужчина, – он едва притормозил у одного такого здания, как к нему сразу, покачивая бёдрами, направились две женщины в масках и почти без одежды, – заходите к нам, у нас два кондиционера, самогоночка сладкая, пиво холодное, травка изумительная, новенькие девочки, их только что завезли.

А у женщин неплохие фигуры, они обе идут к нему, и на них падает свет из окна. Да, он теперь их разглядел, они совсем не старые, у обеих хорошие груди, едва скрытые небольшими лоскутами материи. Но почему они по улице ходят раздетые? Ну ладно, пауков они не боятся, допустим, их тут в городе нет, но клещи? А мотылёк-трупоед? Он на вид мирный, но если сядет незаметно на открытый участок кожи, то укусит так, что подпрыгнешь. Даже простая песчаная тля, и та кусается.

– Спасибо, но мне нужно поспать, я с дороги, – отвечает он, но не глушит двигатель мотоцикла. Эти бабёнки его интересуют, и не только с точки зрения секса.

Одна из женщин без всяких церемоний обнимает его, приникает к нему и говорит:

– Мужчина, заходите к нам, у нас сладкая самогоночка, холодное пиво, новые девочки.

«А, ясно, – тут он понимает, почему они почти голые на улице, – боты!»

Он уже видел таких пару раз. У них у всех хорошие фигуры и красивые лица. Просто тут темновато, да и они были в масках, поэтому сразу не узнал. В принципе можно было зайти хотя бы поесть в этом заведении, но на углу торчала парочка теней. Он их ещё на ходу заметил. Как тут оставить мотоцикл с вещами? Нет, место это не кажется ему безопасным. Горохов молча выкручивает газ и уезжает, оставив красавиц на дороге одних. Свернул в переулок.

Полный мрак, пыль за мотоциклом, перед ним только свет фары. Пару раз луч света выхватывает из темноты силуэты. «А тут у них многолюдно по вечерам», – отмечает он для себя. Проулки, улочки и люди, которых толком в темноте не разглядеть. Рука сама вытягивает из кожуха, что справа от бака, обрез дробовика. На всякий случай. Места эти кажутся ему неприятными. Людишки в городе есть. Есть. Это и странно. Ещё один освещённый дом, то же самое, что и в первом, кроме надписи: «Обеды. Комнаты». Дальше ехать ему не хочется. Тут же полуголая баба перед входом, фигура что надо:

– Дорогой, заходи к нам, у нас девочки танцуют голенькие. Самогоночка...

– Пиво холодное, – догадывается инженер, глуша двигатель у самого входа в заведение.
– Пиво холодное, кондиционеры. Девочки все новые, только что завезли, – продолжает

полуголая красотка в маске.

Мотоцикл на улице оставлять опасно, на нём ещё куча нужных и недешёвых вещей, но делать нечего.

– Присмотри-ка за моим мотоциклом, – говорит он женщине, которая подходит к нему.

И та сразу откликается:

– Дорогой, заходи к нам, у нас девочки танцуют голенькие...

Он прячет обрез под пыльник и толкает дверь.

Кондиционеры и вправду тут есть. В зале играет музыка и говорят люди, смеются негромко. Пьют помаленьку, не в дурную голову, поглядывают на девок, что рядком сидят у стены на длинной лавке, и на ту, что танцует. Горохов вдыхает этот воздух с удовольствием, расстёгивает пыльник. Снимает очки, маску, стягивает перчатки. О, как это здорово, когда температура падает до двадцати пяти. Народу много, две трети столов заняты, все курят, но воздух чистый. Кроме кондиционеров, тут и вытяжка есть. Значит, хорошие аккумуляторы, новые, раз на них всю ночь будет работать вся эта техника. Аккумуляторы, ветротурбины, девки-боты – городишко процветает? Впрочем, чего ему не процветать? Рядом огромная Пермь, там всяких богатств – только успевай собирать. Одна трансформаторная будка древних чего стоит, найди такую – и ты, и твои дети вместе со внуками обеспечены до конца жизни. Ну, если, конечно, у тебя получится выйти из города с добытым.

К нему между столами протискивается женщина, нет, не бот, настоящая. Она носит комбинезон, немолодая, ей уже далеко за тридцать, лицо тронута проказой.

– Заходите, есть свободный столик, – женщина ему улыбается. – вы у нас человек новый, я вижу.

– Да, новый, только что с лодки, мне нужна комната и место для мотоцикла. Найдёте?

– Найдём, найдём. Сейчас и комнату найдём, и мотоцикл ваш пристроим, – обещала женщина. И кричит куда-то: – Нинка! Нинка, иди сюда, давай ключи неси от гаража.

Сразу несколько человек из посетителей оборачивается на них, это не то, что ему сейчас нужно, но уже ничего не поделаешь.

А сверху, по лестнице, сбежала бойкая девочка лет четырнадцати с ключами.

– Покажи мужчине, куда мотоцикл поставить. А я пока комнату подготовлю, – распорядилась женщина.

Всё вроде складывалось, но Горохов всё равно был настороже, он оглядывается: а людишки в заведении-то не очень... Народец тёртый, бывалый. Все при оружии. Женщин нет совсем, кроме кукол у стены да хозяйки. Видно, старатели. А старатель... Это он сегодня старатель, а завтра грабитель, который сторожит у выхода из города других старателей. Сидит народец, ест, пьёт, курит, смотрит, как девка почти голая танцует на небольшой эстраде.

– Дядь, ну что, будем ваш мотоцикл прятать? – спрашивает его Нинка. – А то мне ещё столы убирать.

«Надо было переночевать на лодке у Жупана, а с утра начать поиски, но теперь-то чего рассуждать».

– Будем-будем, – говорит инженер.

Место это ему, конечно, не нравится, но ехать искать другое в ночи, в чужом, неприветливом городе, ему тоже не улыбалось. Он достаёт из кармана пять копеек, протягивает их девочке. – Ну пошли, загоним.

Девчонка взглянула на него с удивлением, видно, ей нечасто тут давали деньги, но монету схватила сразу, без вопросов. И они пошли на улицу.

Загнав мотоцикл в малюсенькую конуру с громким названием «гараж», где уже стояли два квадра, он перенёс некоторые вещи в такую же маленькую комнатку на втором этаже.

– Вот, – говорила хозяйка, показывая ему комнату. Восемь метров, малюсенькое окно, малюсенький стол, узкая кровать, вешалка – всё, – окно мы не открываем, солнечная сторона, матрас без насекомых, недавно проверяли. Тут вода в кувшине, удобства в конце коридора. Дверь крепкая, – она показывает ему дверь, стучит по ней костяшками пальцев – железо, – засов крепкий, вот ключ.

Горохов берёт из её рук ключ от двери:

– Мне нужен ужин.

– Еда у нас простая: каша, паштет, хлеб, чай.

– Отлично, принесите сюда.

– Самогоночки?

– Нет, вставать рано.

– Может, пивка? Или сахара к чаю.

– Нет, – он не знает, откуда в этом диком крае пиво, неужели сами здесь варят? И если сами, то сколько оно должно тут стоять? Ну а сколько здесь будет стоять сахар из термитников, он даже спрашивать не захотел.

– Всего с вас сорок восемь копеек будет, – сообщает женщина и следит за его реакцией на обнародованный ценник.

– Это всего за одну ночь? – удивляется инженер. Это форменный грабёж. За такие деньги в Березняках можно снять не эту бетонную могилу, а нормальный номер в гостинице, в холле которой будет бассейн.

– За ночь, ужин и гараж, – подтверждает хозяйка.

– Хорошо, – нехотя соглашается Горохов и несмотря на то, что хозяйка, кажется, хотела получить деньги сейчас, заканчивает разговор. – Я жду ужин.

Лампа тусклая. Горохов попробовал воду из кувшина. Ну конечно, привкус йода или щёлочи, вода не артезианская, из опреснителя. Но бесплатная, это лучше, чем ничего. Он вешает пыльник, идёт к кровати, переворачивает матрас, осматривает его, проверяет швы. Вроде всё нормально. Клотов нет. Это не мелочи. Ему сейчас никак нельзя болеть, а от клопов можно подцепить на недельку лихорадку с температурой. Дальше инженер отодвигает кровать и осматривает бетонные стены. За кроватью ничего нет, а вот за столом он находит то, что искал. Маленький, светлый, цвета песка клещ прицепился к стене. Горохов прижал его лезвием тесака и поднёс снизу зажигалку. Ну вот, теперь можно было и спокойно поесть, как раз девочка принесла поднос с едой. А после он улёгся на кровать, постелив поверх матраса свой пыльник. У него было пять часов до рассвета.

Солнце едва-едва показалось на востоке, на улице ещё было темно, а умытый и бодрый Горохов уже спускался в зал. Кое-кто из посетителей так и не ушёл вчера вечером, засиделся. Пять или шесть человек спали за столами и на лавках. Хозяйка, Нинка и ещё какой-то мужик хлопчут в зале. Он садится за стол.

– О, вы рано, – подходит к нему женщина.

– Да, придётся помотаться по степи сегодня, хочу начать до жары.

– Это правильно. А то сегодня опять будет под шестьдесят, – говорит хозяйка и тут же спрашивает. – А зачем же вам в пустыню? Я думала, вы по торговым делам приехали.

– Нет, я не торговец, я горный инженер.

– Воду думаете искать? – она, кажется, рада такому повороту дела.

– Посмотрю, – уклончиво отвечает он, – может, повезёт.

– Ох, Господи, хоть бы нашли, вода у нас такая дрянь, два раза перегоняем, иначе в рот не возьмёшь.

– Ну, давайте завтрак, нужно торопиться.

– Сейчас. Хлеб только поспел, ещё горячий, – женщина уходит на кухню.

Мимо проходит девочка с ведром и шваброй. Они и нужна инженеру.

– Нина, – он манит её к себе, а сам уже достаёт монету.

– Чего? – сразу заинтересовалась девочка, поставив ведро на пол.

Он показывает ей новый железный блестящий пятак:

– Слушай, сбегай к пирсам, там одна лодка старая, капитана зовут Жупан, отнеси ему чай и хлеб. Сможешь?

– Приказано полы мыть, – отвечает девочка, не сводя глаз с монеты.

– А ты пулей лети, если быстро обернёшься, я тебе ещё пять копеек дам. Сходи на кухню, отнеси дядьке чай, он его любит.

– Ладно, у хозяйки только спрошу, – Нина забирает у него монету.

Через пару минут девочка уже выбегает из заведения с пластиковым термосом и свёртком. А хозяйка приносит Горохову завтрак.

Ну, так себе этот горячий хлеб, а паштет из саранчи вообще дрянь, они тут только головы у насекомых обрезают, то и дело в паштете попадались то крылья, то голени. Нет, кухня здесь не очень... Тыква печёная неплоха, но разве её испортишь? Он уже налил себе свежесваренного чая, как в помещение вбежала Нинка. Она ещё говорить не начала, а Горохов уже всё понял. Он начал собираться, когда девочка подбежала к нему и сказала:

– Та лодка, что вы велели найти, ушла. Я там поспросила, так вот она отчалила, как только светать стало. Уплыл ваш капитан Жупан, – рассказала Нинка.

– Уплыл? – добродушно спросил Горохов. – Ну и Бог с ним.

Он достал целый серебряный рубль.

– Отнеси хозяйке, себе из сдачи возьмёшь пять копеек, но сначала принеси мне ключи от гаража, поеду, пока солнце не встало.

Говорил он это с видимой неторопливостью, так же не спеша проверял револьвер, патроны в обрезе, воду во фляге. Ждал с видимым спокойствием, когда Нинка принесёт ключи, но про себя считал каждую секунду. Когда девочка появилась, он встал, допил почти чёрный чай, и пошёл вслед за ней к дверям гаража.

Глава 3

Карту Полазны и окрестностей инженер помнил наизусть. Он знал: чтобы поехать на север, сначала нужно взять на восток и объехать затон, большой тихий затон с красной стоячей водой. Но одно дело – знать карту, а другое – ехать. Он добрался до трёхметровой стены на востоке, дальше пришлось спрашивать. Пока спрашивал да искал среди домов проезд к восточному выезду из города, потерял минут десять. Но наконец добрался до распахнутых железных ворот. Отметил для себя, что тут с утра людно, что через эти ворота много народа выезжало из города. Еще заметил на бетонном блоке под навесом двенадцатимиллиметровый пулемёт. Прикинул сектор его огня. Он покрывал всю восточную дорогу и прикрывал почти всю восточную часть городской стены. Два вооружённых человека у ворот, но они так, для порядка, никого не осматривают, прячутся в теньке, курят. Горохов проехал спокойно, но эти двое на него, конечно, посмотрели. Сразу чужого заприметили, он уже думал, что потеряет тут время, но нет. Поглядели – и всё. За воротами накатанная до твёрдости бетона ровная дорога и почти сразу развилка в три стороны, одна на юг к Перми и пылящему вдалеке заводу, вторая на восток и нужная ему на север. Северная дорога пустынная, он туда один свернул. Шла она вдоль воды. Затон тут обмелел, амёбы было столько, что вода стала бурой, тягучей, как масло, и вонючей. Людишки какие-то копались в этом едком супе, выгребали амёбу. Он стал, что называется, топить, выжимать из мотоцикла как следует. Это на первый, поверхностный взгляд его железный конь – ржавая рухлядь с обшарпанным седлом, в которой даже аккумулятора нет. Мотоцикл так и должен выглядеть, чтобы не бросаться в глаза. На самом деле машина имела хорошо отрегулированный, новый и неприхотливый мотор, готовый работать при любой жаре, при этом надёжный и на удивление экономичный. И теперь Горохов летел на север вдоль реки на своём мотоцикле, моля Бога, чтобы успеть к месту быстрее хитрого капи-

тана. Дорога пока позволяла держать хорошую скорость, песка на ней почти не было, так что он выкручивал акселератор, не стеснялся. И надеялся, что успеет вовремя. Да, даже с учётом того, что Жупан идёт по течению, всё равно у инженера были шансы опередить его тихоходное корыто. Горохов, конечно, надеялся, что вся эта его утренняя суета занятие пустое, что Жупан не поехал потрошить его схрон, а нашёл себе какое-то дело. Но рисковать инженер не мог. Он оставался должен капитану пять рублей, а в песок при нём Горохов зарыл товара на двадцать пять. Это не считая непонятного ящика и ещё более непонятных баллонов. Жупан мог ради такого рискнуть. Зачем ждать пять дней из-за пяти рублей, когда можно выкопать из земли оружие, которое стоит намного больше? Из этой предпосылки инженер и исходил, выкручивая акселератор, он не мог рисковать тем, что было в схроне. Мало того, было бы намного хуже, если бы капитан привёл к схрону каких-нибудь местных и с ними попытался бы выяснить, что там прятал инженер. В этом случае речь уже не шла бы о финансовых потерях Горохова, речь уже не шла бы о выполнении задания, тут речь зашла бы уже о его жизни. Поэтому рисковать ему было нельзя. Он должен был знать, что его схрон в полном порядке, и, если получится, выяснить, куда делся капитан со своей ржавой калошей. А если с его схроном всё будет в порядке, то он просто перепрячет содержимое в другое место. И этот вопрос уже будет решён окончательно. В общем, он гнал мотоцикл на север, пока не закончилась эта хорошо утрамбованная дорога. Она начала сужаться от засыпавшего её песка, потом превратилась в тропу, а потом и вовсе ушла под небольшой свежий барханчик. И всё, слева по берегу реки шла почти непрерывная цепь небольших камней, а справа началась типичная степь. Барханы, барханы, барханы до горизонта. Какая уж тут скорость. Он остановился и из потайного отделения старой фляги вытащил секстан. Прикинул своё местоположение. До нужного ему места, до скалы-клыка было всего двадцать пять-двадцать шесть километров. Это напрямую, по барханам придётся петлять не менее часа. Скорее всего, он не успеет. Если не успеет – всё, можно сворачивать дело и брать направление на северо-восток. На Губаху. Ближе ничего нет. По степи в лучшем случае двое, а может, и все трое суток. Это как пойдёт. У него почти полный бак, на багажнике канистра масла и канистра воды. Этого хватит, но впритык. Может быть, последние километры придётся идти пешком и уже без воды. И при этом все трое суток он будет рисковать повстречать сколопендру, шершней, присесть ночью рядом с пауком или не заметить варана, и что самое опасное, налететь на стойбище даргов. Инженер спрятал секстан и завёл мотоцикл. Жаль, что у него не было возможности сделать схрон без посторонних глаз. Грустить, гадать, прикидывать, угадывать – теперь уже смысла не было. Надо было ехать и всё проверить. Он дал газа и поехал объезжать первый небольшой бархан.

Звук мотора в степи разносится очень далеко, поэтому, не доезжая до нужной скалы-клыка километра, он нашёл укромное место, загнал мотоцикл в тень камня и заглушил двигатель. Выкрутил свечу зажигания – на всякий случай – и быстро, почти бегом, пошёл по обрывистому берегу вдоль реки, прижимаясь вплотную к камням. Берег стал подниматься над водой крутым откосом. Камни нависали над рекой всё круче. Солнце уже начинало припекать. Горохов шёл так быстро, что ему не хватало воздуха, даже длинные и глубокие вдохи не помогали, но снимать маску тут, на берегу, нельзя категорически, даже на минуту. Он уже видел скалу-клык, когда услышал хлопок, который ни с чем перепутать было нельзя. Того, кто собирался потрошить его схрон, ждал сюрприз, и этот небольшой сюрприз сработал. Теперь у него уже не оставалось никаких сомнений: Жупан добрался до схрона, попытался его раскопать и, скорее всего, уже умирает, разорванный осколками небольшой мины, что оставил там инженер для непрошенных копателей. Горохов, хоть это далось ему нелегко, ещё прибавил шагу и уже через пару минут остановился осмотреться, прислушаться и, главное, отдышаться: стрелять, когда ты задыхаешься – дело бестолковое, глупая трата патронов. Он машинально взвёл курки на обрезе, привёл дыхание в норму и лишь после этого медленно пошёл дальше. Вокруг клыка камни. Инженер забирается на них, даже не заглянув вниз, видит воду и корму лодки. Ещё

чуть-чуть, осторожно приближается к краю, чтобы снизу не заметили. Всё так плохо, как он и думал. Сволочь Жупан притащил каких-то двух типов. Они попытались раскопать схрон и подорвались на mine. Всем троим и досталось, капитану осколок ударил в ногу, в бедро, кровь лилась из него изрядно. Жупан не без труда влез на нос своей лодки и теперь помогал ещё одному, высокому и чернявому, с разорванной осколками, окровавленной кистью левой руки, втолкнуть на палубу лысого невысокого типа. На том ни респиратора не было, ни головного убора. Лысый был ранен сильнее других. Ему осколки прилетели в брюхо, и теперь он почти не шевелил ногами, а руками только зажимал рану на животе. Чернявый приволок его к носу лодки, и они вместе с капитаном пытались его туда втащить. Инженер встал на одно колено, аккуратно спустил курки на обресе, отложил его и потянул из кобуры на правом бедре револьвер. Видит Бог, он не хотел этого, но отпускать эту тройцу теперь уже было нельзя. В этом случае можно было сразу отсюда направляться на север, в Губаху. И тогда год подготовки, и все материальные затраты, все усилия – всё на ветер. Нет, отпускать их нельзя. Никак нельзя. «Жупан, безмозглая ты саранча, почему ты не дождался своих пяти рублей и не убрался отсюда целым и невредимым, жадный дурак, хотел получить больше? Это понять можно, но за каким хреном ты приволок сюда этих бедолаг? Боялся, что ли, один всё сделать?»

Тихий щелчок. Горохов взвёл курок, с холодной отстранённостью прицелился капитану в грудь. Тридцать метров, возвышенность, цель не движется – тут не промахнёшься. Честно говоря, он не хотел стрелять. Но деваться ему было некуда.

Выстрел! Жупан сразу мешком валится на палубу, а лысый, которого уже втолкнули на палубу, падет рядом, бьётся своею лысой головой о металл. Горохов спокойно взводит курок, не торопясь целится. Больше никаких сожалений. Чернявый как раз поворачивается к инженеру лицом. Он не сразу увидел, что Жупан мёртв. Лица его за маской не видно, чернявый озирается, глаза, кажется, у него удивлённые: что это? Какого...? Кто стреляет?

Выстрел. Он тоже получает пулю в сердце. Почти плашмя падает тут же на песок. Горохов снова взводит курок. А лысый уже всё понял, брюхо разорвано, но жить-то ему хочется, придерживая рану на животе, он пытается на боку ползти по палубе.

Выстрел. На этот раз инженер торопится и стреляет плохо. Пуля бьёт лысого под правую ключицу. Теперь он даже и ползти не может. Горохов выругал себя, это не дело, нельзя в идеальных для стрельбы условиях так мазать, и снова взвёл курок. Выстрел. Теперь исправился. Эта пуля добивает несчастного. Четыре патрона – дело сделано. Он вытряхивает стреляные гильзы, но не выбрасывает их, прячет в карман, а на их место вставляет новые патроны. Ещё раз осматривается, чтобы убедиться, что вокруг никого. Тишина, река, песок, камни и небо с белым солнцем и без единого облачка. Он один тут живой. Только после этого инженер берёт обресь, встаёт и начинает спускаться к реке.

Дело нужно доделать. И сначала он снимает пыльник. Пыльник выцветший, почти белый, на нём не должно остаться никаких пятен. Перчатки он тоже снимает. Подходит к телу чернявого. Не без труда взваливает его себе на плечо и, утопая во влажном песке, закидывает его на палубу, к уже лежащим там двум телам. Затем он подбирает старенькую винтовку, маску, две шляпы, всё, всё летит на палубу. Тут ничего не должно остаться. Инженер осматривается, кроме его вещей и лопаты, ничего на берегу больше нет. Тогда он подходит к лодке и, упираясь в борт, пытается столкнуть её, оттолкнуть от берега. Это дело безнадёжное. Придётся лезть в рубку. Когда плыли вверх по течению, он, от нечего делать, запоминал все действия Жупана. В общем, имел некоторое представление об управлении плавсредством. Тут, в закрытом помещении, ещё сохранилась прохлада. Горохов жмёт чёрную кнопку с подписью «Мотор». Сразу по палубе прошла дрожь. Рык, выхлоп чёрного дыма на корме. Ровное урчание. Отлично, мотор – есть. Он берётся за рычаг. За тот, что справа от штурвала. Тянет его до отметки «М.З.» – малый задний. И сразу лодка едва заметно дёрнулась. Горохов сразу выскакивает из рубки. И вовремя.

Лодка медленно сползает с берега, он успевает спрыгнуть.

Жупан и два его товарища поплыли, лёжа на палубе, вниз по течению. Инженер на них не смотрит, пусть плывут. Теперь ему нужно разобраться со схроном. Он, чуть подумав, решает ничего не выкапывать. Снова накидывает песка. Разравнивает его. Присыпает лопату. Большой веткой колючки замечает следы. Осматривается. Да, всё нормально. Вечерний заряд поднимет песок с пылью, и уже никто не разглядит и намёка на то, что здесь что-то происходило. Он собирает свои вещи и поднимается наверх, к скале, похожей на клык. Оттуда бросает взгляд на реку, на уплывающую по течению кормой вперёд лодку. Если её и найдут, то всем будет ясно, что мужичков, что плыли на ней, расстреляли с берега дарги. Обычное дело. Такое здесь случилось уже не раз.

Он вернулся к мотоциклу, выпил воды, ввернул свечу зажигания. Настроение было дрянь, но нужно было делать дело. Он вытащил из потайного кармана в левом рукаве пыльника карту на тонкой прозрачной бумаге, снова достал секстан и компас. Уселся в тени камня и минут десять сидел, прикидывая, куда ему ехать. Когда разобрался с картой – понял, что ехать ему недалеко. Нужное место было отсюда в полчаса-часе езды. Солнце быстро ползло всё выше и выше так, что тянуть было нельзя.

Горохов поехал на северо-восток, почти навстречу ползущему вверх солнцу. Петля между барханов, отъехал километров на пять от реки и там остановился, заглушил мотор и с огромным удовольствием стянул с лица маску. Фу, наконец-то можно было вздохнуть без усилия. Он пару раз ударил влажной маской об перчатку. На перчатке остался влажный след, конденсат от выдоха. Он был уверен, что в маске немало страшных спор красного грибка. Но тут, вдали от реки, в местном зное и сухости, споры долго не выживают. Инженер бросил маску на горячий бак мотоцикла, чтобы сохла, и достал сигарету. Пошёл размять ноги и, покуривая, стал приглядываться к окружающим его пескам. Сразу бросились в глаза две цепочки следов. Дрофы. Не очень хороший знак. Нет, ничего против этих больших и вкусных птиц он не имел, наличие дроф – подтверждение того, что тут в достатке саранчи и гекконов, и верный знак того, что тут меньше пауков, чем везде. Птица ими не брезгует, их страшный яд её не берёт, но вместе с дрофами тут должны быть и вечные её преследователи – сколопендры. Значит, нужно быть настороже. Он взобрался на бархан и пару минут смотрел во все стороны. Ничего необычного, кроме... Он поглядел на термометр – обалдеть: сорок два, а ведь ещё и десяти нет. Жарко. Надо было выпить воды, и он вернулся к мотоциклу.

Следы дроф тут были повсюду. А ещё он нашёл окурки, он был несвежий, почти занесённый песком. Осмотрев окурки, он его выбросил и завёл мотор. Следы мотоциклов или квадроциклов на песке живут обычно до вечера, не более. Как только на землю спускаются сумерки, поднимается резкий порывистый ветер, его называют зарядом, длится заряд недолго, минуту, две, три, иногда пять минут, но за это время песок и пыль затирают в степи все следы. Но вот окурки песком на замело. Где-то тут должны были быть люди. Далеко от реки они никогда не уходят. Им нужна вода и масло из рыб для моторов. А кто таскается по степи, не имея постоянного места? Степняки, кочевники, бродяги – казаки. А с этими людьми нужно было быть осторожным, любой молодой воин из этих кочевых сообществ может убить, выстрелив из-за любого бархана просто потому, что ему нужен мотоцикл.

Поэтому инженер не гнал, ехал аккуратно, останавливался, приглядывался, прислушивался. И уже через час заметил то, что искал. В полукилometре от него на длинном бархане была растянута сеть. Он поехал к ней. Пока ехал, увидел ещё одну. И нашёл место, где собранную саранчу перерабатывали. Теперь там пировал десяток гекконов, жадно пожирая выброшенные людьми головы и жесткие крылья и лапы насекомых. Люди здесь были утром, ещё недавно. Следы колёс на песке, ещё один окурки. И дальше, на восток и на юг, на самых высоких и длинных барханах стояли сети. Он нашёл тех, кого искал. Инженер сначала достал карту и отметил это место. Затем, разорвав упаковку с бинтом, оторвал полметра. Светлая тряпка

на колу значила – мне нужно с вами поговорить. Любая другая – уברי сети с моей земли. Горохов собирался поговорить. Он влез на бархан и привязал к одному из кольев, на которых крепилась сеть, этот кусок бинта. Завтра на рассвете инженер снова будет тут, он надеялся, что теперь хозяева сетей в него сразу стрелять не будут.

Глава 4

Дальше снова дорога с бесконечными петлями вокруг бесконечных барханов. Но на сей раз Горохов ехал на место, указанное в его карте. Где-то как раз между казачьими кочевьями и Полазной он нашёл нужную ему местность. Здесь все барханы были испещрены свежими следами дроф, он даже в тени, под камнем, в относительной прохладе, нашёл гнездо с кладкой в десяток крупных яиц. О, редкий деликатес. Но инженер даже не подумал забрать яйца. Может потому, что... Он сегодня уже убивал. Горохов посидел рядом, поглядел на яйца и пошёл по своим делам. Инженер опять достал секстан, карту и компас, залез на камень, осмотрелся, потом спустился, сел в тени и высчитал своё местоположение. Да, он был там, где нужно. Прямо в центре большой низины, которая была отмечена на его карте. Теперь карта ему была больше не нужна. Он достал сигарету, прикурил её, а после поджёг тонкую бумагу. Посмотрел, как она сгорает. Пепел перемешал с песком. Докурил, закопал окурок, сел на мотоцикл, завёл мотор.

Тут с ума сойти можно было, время полвторого, а на термометре пятьдесят шесть. Инженер увеличил скорость, замотался в платок, пил много воды, но всё равно чувствовал себя не очень и даже был близок к тепловому удару. Пришлось найти тень под камнем. Тут он облился водой и сидел до пяти часов, пока температура не упала до пятидесяти градусов. Только тогда вылез из-под камня и поехал на юго-запад, к Полазне.

Когда въезжал в город, уже темнело, – устал, ноги затекли, спина не разгибалась, есть хотел, кое-как вылез из седла. Нинка, запирая гараж, спросила:

– Ужин подавать?

– И побыстрее... И хлеба тройную порцию, – ответил инженер и, не выходя в многолюдный зал за стеной, пошёл по крутой лестнице на второй этаж, к себе.

Горохов уже знал, что в его комнатухе кто-то был. Знал, как только открыл дверь, но не придал этому значения. То, что его будут проверять, было ясно с самого начала. Разделся и с большим удовольствием плюхнулся на кровать, стал стягивать сапоги, стянул – остался в одних штанах. Как раз постучала Нинка в дверь, он впустил её. Девчонка принесла целый поднос еды и холодной воды. Инженера так и подмывало спросить её, этак невзначай, мол, никто меня не искал? Но этого делать было нельзя. Те, кто был в его комнатухе, пока он отсутствовал, не должны знать о том, что он знает о них. Еда была, как и вчера, – так себе, и вода всё с тем же привкусом йода, но когда ты не ел весь день и когда тебя весь день жарило солнце, то на такие мелочи обращать внимания не будешь. Горохов с удовольствием съел всё, тем более что хлеб тут был неплох, и выпил всю воду. А потом занялся делом. Он хотел знать, кто тут был и что искали. Уже первый, поверхностный осмотр позволил ему понять, что это были вовсе не гостиничные воры. Осматривали всё тщательно, заглянули в папку с картами, все до единой карты вытаскивали, возможно сфотографировали. Открывали ящик с инструментами, даже доставали и рассматривали нивелир. А вот денег, которые были «спрятаны» в один из кофров, не тронули. Не тронули.

«Ну, что ж, теперь нужно ждать гостей для более близкого знакомства».

Он разделся, намочил полотенце и стал себя обтирать, расходуя воду из кувшина, что стоял под столом. Воду нужно было экономить: вчера ночью, после двух часов, судя по всему, аккумуляторы подсели, и кондиционер, что охлаждал воздух в комнате, «подсдулся», и уже к трём часам тут было жарко, пришлось вставать и мочить простыню, спать под нею. Наверное, то же самое будет и сегодня, так что вода ему ещё пригодится, а заказать себе ещё кувшин – нет, не пойдёт, он сюда приехал как простой инженер, а не богатый торговец. Он должен экономить. После Горохов снова отодвинул кровать и стол, снова осмотрел стены, снова разглядывал швы

на матрасе. В его нынешнем деле даже банальный укус обычного степного клеща мог серьезно помешать. Даже простая повышенная температура от заурадных укусов клопов, и та могла затормозить дело. Он должен был исключить любой риск. Только после тщательного осмотра Горохов лёг в постель.

Чтобы успеть к сбору саранчи к казачьим сетям, ему нужно было выехать в три часа, то есть у него на сон и сборы было ещё шесть часов. Он устал и был уверен, что быстро уснёт. Если... не будет думать о тех трёх бедолагах, что сейчас лежат на палубе старой и ржавой лодки, облепленные кучами серого, мерзкого мотылька-трупоеда. И плывут себе по течению, под степным небом, на котором отлично видно каждую звезду.

Горохов не любил выпивать на ночь, алкоголь притуплял восприятие, поэтому сон после выпивки даже небольшого количества алкоголя будет излишне крепкий. В этот вечер он не пил. Ещё до того, как в железную дверь ударили, он уже сидел на кровати, револьвер был в его руке, а курок на оружии был взведён.

За дверью двое. Как минимум. Ещё не было двух, когда в дверь постучали. «Ошиблись? Собрались пограбить? Или это те, кто копался в вещах?»

– Что надо? – спросил он и на всякий случай положил на стол обрез.

– Открывайте, инженер, – донесся из-за двери голос, – разговор есть.

Тон повелительный. Голос явно принадлежал человеку, который привык к тому, что его слушают.

– А кто вы такой? – Горохов не торопился к двери.

И тут послышался женский голос, это была хозяйка:

– Господин постоялец, с вами хочет поговорить начальник безопасности Полазны, господин Тарасов.

– Минуту!

Инженер быстро надевает галифе, натягивает сапоги, подходит к двери, прислушивается.

Если бы его хотели ограбить, то не стали приходить бы ночью, все деньги и ценные вещи забрали бы днём. Горохов револьвера не спрятал и курка не опустил, подошёл к двери и отодвинул засов. Ну, вот и они. Входят, один за другим, три человека, два высоких крепких, один невысокий, лица холодные, глаза острые, внимательные, трезвые. Те, что высокие, – при оружии, сразу смотрят на его револьвер, за ними невысокий, широкий человек в чёрном пыльнике и чёрных галифе. В руках у него чёрная шляпа. Пижон, сразу видно. Кто может в местах, где температура днём дотягивает почти до шестидесяти, позволить себе носить чёрное? Только тот, кто передвигается от кондиционера до кондиционера. У этого человека в чёрном даже в квадроцикле кондиционер стоит. Наверное, это и есть начальник местной безопасности Тарасов.

– Уберите оружие, – властно говорит «черный».

Горохов не собирается спорить. Он надевает ремень с кобурой, прячет в неё оружие.

У Тарасова большая лысая голова в шрамах, на поясе многозарядный пистолет, начальник безопасности серьёзен. Осматривается, подходит к инструментам, что стоят в углу, делает вид, что видит их впервые, но инженер уверен: это они были тут, пока его не было.

– Уж извините за позднее вторжение, но днём вас не было.

– Понимаю, – кивает Горохов, – работа у вас такая.

– Да, да... Работа-работка у нас такая, – говорит Тарасов. – А вы к нам откуда приехали, с какой целью? Может, документки у вас имеются какие-нибудь?

– Приехал из Соликамска, но сам я из Березняков, – Горохов лезет в свой пыльник, там, во внутреннем кармане, бумаги, он протягивает их Тарасову.

Но тот их не берёт. Документы берёт один из высоких. Читает вслух:

– Калинин Сергей Владимирович, Березняки, горный инженер.

– Инженер, значит? – большая голова начальника безопасности поворачивается к инженеру. – А к нам зачем пожаловали?

– Я, – Горохов успокаивающе поднимает руки, – всего на пару дней, может на недельку, это максимум, после уеду на юг.

– На недельку? – переспрашивает Тарасов, а сам всё так же, не отрываясь, внимательно смотрит на Горохова.

Горохов этот взгляд знает, он сам подобными вещами пользуется. Пристальный сверлящий взгляд, взгляд человека, который не верит ни одному твоему слову, – это хороший способ разбалансировать собеседника, заставить немного нервничать. У инженера нет и намёка на расслабленность, он знает, с кем имеет дело, и согласен играть по его правилам:

– Уверяю вас, я тут больше недели не задержусь, – убеждает он Тарасова, – да и цены местные мне не позволят.

А тот продолжает его сверлить взглядом:

– Ну хорошо, неделька так неделька, а зачем вы приехали, неужели собрались искать тут воду?

– Не тут, не тут, – быстро говорит Горохов, – севернее и чуть восточнее, вдоль реки должны быть линзы. Здесь, на правом берегу реки, сплошные низины, вероятность водяных линз достаточно высока.

– А в Березняках уже нет воды? – продолжает допрос, а это именно он, начальник безопасности.

– Там все берега давно поделены, всё застолбили крупные компании, а тут никто и не ищет.

– И вы не боитесь? – спрашивает Тарасов. – Дарги, казаки, старатели, у которых не вышло дело.

– Если я найду воду, будет и финансирование, а будет финансирование, то и с казаками договоримся, и от остальных отобьёмся, – разумно объясняет инженер. И добавляет. – Думаю, что и вам хороший источник воды не помешает. Ведь Полазна пьёт опреснёнку из реки, причём воду первого перегона. А тут настоящая вода, это большая ценность.

По виду этого Тарасова и не поймёшь, что у него в голове, как он вообще отреагирует на эту информацию. Скорее всего, понесёт её своему руководству, и потом они вынесут вердикт. И каков он будет, остаётся только догадываться.

– Ладно, – Тарасов делает знак, и его помощник возвращает инженеру документы. – Вы, Сергей Владимирович, приплыли сюда на лодке, кажется.

– Да, меня сюда привёз капитан Жупан, – отвечает Горохов.

– Плыли из Березняков?

– Из Соликамска.

– Приплыли и произвели расчёт?

– Нет, он должен был ждать меня пять дней, за это время я собирался произвести разведку, снять метки на местности и либо рассчитаться с ним и отпустить, либо отплыть обратно. Я должен был ему ещё пять рублей.

– А вы знаете, что он не стал вас ждать?

– Знаю, на рассвете я отправил к нему местную девочку с чаем, с завтраком, она вернулась и сказала, что не нашла его лодку.

– И что, он отплыл, не дождавшись денег от вас? – спрашивал Тарасов.

– Ну, судя по всему, отплыл. Этот Жупан казался мне ответственным человеком. Но когда мы расставались, он сказал, что будет искать груз или пассажиров на обратный путь, я подумал, что он нашёл себе что-то более выгодное, чем мои пять рублей за пять дней ожидания.

Тарасов всё глядел и глядел на него всё с тем же выражением недоверия на лице:

– Этот ваш Жупан пошёл в заведение, что прямо там, возле пристаней, и стал пить, а после сел играть в карты. И на рассвете сел в свою лодку вместе с теми, с кем играл, и отплыл куда-то.

Он замолчал, как будто ожидая, что инженер ему что-то на это скажет, но Горохов, благо разумно, молча ждал, и тогда начальник безопасности продолжил:

– С вашим Жупаном играл в карты человек, который работает на господина Дулина, и сегодня этот человек не вышел на работу. И нигде в городе его нет. А господин Дулин очень расстраивается, когда вот так вдруг исчезают его люди и ваш Жупан...

– Стоп, – первый раз за всё время Горохов осмелился прервать начальника безопасности, он даже поднял руку, показав Тарасову ладонь, – давайте всё сразу уточним: этот Жупан никакой не «мой», я его нанял на один рейс. И всё. Моих вещей на лодке не было, он должен был ждать меня пять дней у причала, я должен был ему пять рублей, больше меня с ним ничто не связывало. Я не знаю, с кем он играл ночью, ночью я был тут, я не знаю, куда он уплыл, утром я выехал в степь и пробыл в степи почти до вечера. Я к этой истории никакого отношения не имею.

Его речь была вполне себе убедительна и окончательна, тем более инженер был уверен, что Тарасов уже опросил хозяйку заведения на предмет того, что новый постоялец делал ночью. И та сказала, что постоялец встал только на заре, а его мотоцикл был в гараже. Горохов был уверен: если его никто не видел, когда он делал дело на берегу у скалы, похожей на клык, ему нечего было бояться.

Он сказал всё это, конечно, убедительно, только вот этот Тарасов был не тем человеком, которого было легко убедить.

– Если это так, – сказал он многозначительно и повторил, – если это так, то вам не о чем беспокоиться.

Горохов понял, что начальник безопасности дело не оставит. После этой неприятной фразы гости покинули комнату инженера. А тот, заперев засов, сняв ремень с кобурой, пошёл и сел на кровать, стянул сапоги: «Жупан, идиот, выпил и сел играть в кабаке с местными, те, конечно, пьяного развели, выиграли все деньги, что Горохов ему заплатил, потом ещё и в долги этого недоумка загнали. А ближе к утру потребовали рассчитаться. Пригрозили отобрать лодку, а Жупан сдуру и сказал про схрон инженера, думал, что рассчитается тем, что там спрятано. Вот и рассчитался. Так бывает с игровыми, конец у них у всех почти всегда одинаковый».

Всё это осложняло ему задачу. Если кто-то прошлой ночью в том кабаке слышал, что Жупан рассказывал про схрон инженера своим партнёрам по карточному столу, значит, риск значительно возростал. Дело становилось очень опасным. Этот Тарасов, кажется, не дурак, перетряхнёт всех, опросит... И рано или поздно всплывёт информация, что эти трое поехали искать какой-то схрон.

«Да. Хоть собирайся и уезжай, с местными лучше не шутить».

Было жарко, и вправду аккумуляторы в гостинице после двух ночи сдыхали, кондиционер еле-еле дул. Инженер вылил на себя остатки воды из кувшина. Вздыхнул, посидел немного, поразмышлял. Пару минут, не больше. Взвесил все за и против. Против была только его собственная безопасность. Риск, конечно, налицо, но слишком много уже было вложено в это дело.

«Ладно, будем надеяться, что никто ничего не слышал, а меня у скалы никто не видел».

Надежда на авось? Нет, Горохов на «авось» никогда не полагался, поэтому до сих пор был жив, он просто производил подсчёт вероятностей. И сейчас он считал, что всё должно сложиться в его пользу. А Тарасов пусть ищет, конечно, своего человека, на то он и начальник безопасности у Папы Дулина.

Горохов встал, на часах половина третьего, смысла ложиться уже не было. Он стал собираться в долгую дорогу, в степь.

Глава 5

Он не очень торопился, нужно было подождать, пока рассветёт, иначе можно было приехать раньше, чем к сетям пожалуют сборщики саранчи. Их ещё не было, и он стал прохаживаться по округе, пока не жарко. Было тихо, он не надевал маску, вдыхал полной грудью не нагретый воздух. Саранча ещё не вся спряталась в песок. Кое-какие особи ещё шелестят в воздухе. Машинально и без всякой злобы инженер раздавил очень опасного паука на склоне бархана. В принципе, это место ему нравилось. Низина, река километров пять-шесть на запад. Всё указывало на то, что тут есть вода. Камни встречаются нечасто. Здесь можно бурить. Завтра он приедет сюда с инструментом, ещё раз поглядит и посчитает.

Солнце едва выползло из-за горизонта, степь засыпала. Живность пряталась. Но все барханы вокруг и одна длинная, но невысокая дюна были испещрены следами гекконов. Ну а раз тут есть ящерицы и саранча, конечно, здесь, естественно, водятся и дрофы. Да, дроф тут было много, и козодой в этих местах, скорее всего, тоже водился. Но ему попались и следы опасного животного. Прогуливаясь вдоль одного из барханов, он наткнулся на широкую, почти незаметную полосу – сантиметров двадцать.

«Большая тварь», – отметил он про себя и взвёл курки на обресе.

Дальше не пошёл; конечно, нужно было пойти прикончить это опасное существо, пока след свежий, но это заняло бы время, а у него его не было. Инженер направился к мотоциклу. Повернул и через сотню шагов набрёл на ещё один такой же след, только поуже. Да, сколопендр тут было предостаточно. Если сегодня всё сложится, придётся ими заняться.

Горохов ещё на подъезде к сетям увидел трёх людей с оружием. Сапоги они не носили – самодельные башмаки, обмотки, короткие, почти белые пыльники, головы укутаны в тряпки. Они стояли на бархане и смотрели в его сторону. К ним он и направил мотоцикл. Подъехал почти вплотную и заглушил мотор.

– Здравы будьте, добрые люди, – произнёс он, слезая с мотоцикла.

– И тебе здравия желаем, – отвечал ему один из них, не снимая маски и не спускаясь с бархана, так и говоря сверху.

Горохов и не ожидал другого, казаки – люди гордые, а если говорить честно, то и заносчивые. Эти жители бесконечных степей и раскалённых песков на всех других смотрели свысока. Конечно, они кичились своей выносливостью, своей выдержкой, врождённой приспособленностью жить в адских условиях юга и умением стрелять почти без промаха. В общем, для них он был каким-то горожанином или северянином.

– Это ты, что ли, оставил метку? – продолжал казак. Кажется, он был немного озадачен тем, что какой-то северянин знает об их способах извещения.

– Я, – отвечал инженер достаточно твёрдо, лебезить и заискивать перед этими жителями пустыни нельзя было ни в коем случае, – мне нужно говорить с атаманом Васильком.

– А о чём ты хочешь говорить с Васильком? – спросил казак.

– А ты Василёк? – теперь уже спрашивал сам Горохов.

– Я нет, – чуть подождав, снизошёл до ответа казак.

– Так зачем ты спрашиваешь?

– Чтобы знать, – уже достаточно грубо отвечал казак. – А то всякий торгош будет атамана спрашивать, а у атамана и своих дел хватает. Говори, что хотел, или уматывай отсюда.

– Я не торгош, – отвечал Горохов, – скажи Коле Васильку, что инженер Калинин хочет с ним говорить по хорошему делу.

Инженер – это вам не торгош, казаки переглянулись, и теперь уже заговорил не тот, кто говорил до этого.

– А ты, что, знал Колю Васильку? – спросил второй.

«Знал?» Горохов чуть задумался – получается, что собранная для дела информация устарела? Коли Васильку уже в живых не было?

– Его знал мой друг Каменков. Он имел с Васильком дела, – ответил инженер и уточнил. – Так что, Коля уже не с нами?

– Нет. Пусть песок хранит его кости, – сказал тот, что заговорил второй, и сделал жест, который у казаков выказывал почтение.

– Пусть песок хранит его кости, – повторил Горохов и сделал такой же жест. – А кто теперь водит ватагу вместо атамана Василька?

– Его племянник, Лёва Василёк по прозвищу Ходи-Нога, – сказал тот, что говорил с ним первый.

«Главное – не засмеяться, когда буду с ним говорить, – подумал Горохов, усмехаясь под респираторной маской. – У этих степняков забавная методика выбора прозвищ».

– А как мне его увидеть? – спросил инженер.

– Езжай на северо-восток, отсюда через девять километров начнётся каменная гряда, там наш кош. Кто спросит, так скажешь, что Салов дал добро.

– Понял, скажу – Салов дал добро, – ответил Горохов и сел на мотоцикл.

Термитники. Удивительно. Жарко, но здесь они не редкость, Один, другой, третий. Горохов не знал, что так далеко на юге встречаются термиты. Заросли белой, почти как бумага, колючки, роскошные кактусовые поляны, песчаные холмы, где, по ходу, обитает немало саранчи. Хорошие места. Тут можно выжить, и даже неплохо жить, если, конечно, найдёшь воду.

И тут же на один из барханов, что был от него метрах в пятидесяти, выскочил невысокий казак с винтовкой, а винтовочка направлена была в его сторону.

– А ну стой! – орёт казак высоким голосом.

Горохов бросает газ, поднимает руки, показывает перчатки: смотри – у меня в руках ничего нет.

– Я к атаману, меня Салов пропустил! – кричит он, чуть оттягивая маску, чтобы было слышно, чтобы этот с винтовкой не дурковал.

– Он к атаману, – кричит кому-то тот, что стоит на бархане, – его Салов пустил.

И через секунду уже кричит Горохову: – Езжай, – машет рукой в сторону начинающейся гряды камней. – Вон туда.

Да, голос у него высокий. Теперь Горохову ясно – это пацан лет двенадцати. Инженер заводит мотоцикл и едет к гряде.

Девять километров двести метров по спидометру. Салов был прав. Умение точно определять расстояние – ещё один полезный навык степных людей. Природный дальномер у них – что надо. Причём они отлично определяют и дистанцию, когда прицеливаются, и расстояние, когда едут по пустыне. Этот навык распространён в степи поголовно. Наверное, те, у кого с этим делом было туго, не успели оставить наследников.

Палатки всегда ставят с севера, прячут от солнца. Тут, у камней, с северной стороны, в тени стояли большие квадроциклы, прицепы, мотоциклы, бочки с рыбьим маслом, на одном прицепе аккумуляторы, на солнце разбросаны панели. Где-то у палаток тихо гудят кондиционеры. Палатки стояли вплотную к камням, так прохладнее. Горохов заехал с северной стороны, загнал свой мотоцикл в тенёк, заглушил мотор. Тут же со всех сторон к нему побежали дети. Все любопытные, почти все без масок, глаза у некоторых даже не синие, не серые, почти белые, как и волосы, а сами смуглые. Лица чистые, ну не в смысле не грязные, грязи-то на них хватало, а в смысле, что опухолей и желваков проказы на них нет.

Детей много, три десятка, наверное, все не старше десяти, тут те, кто старше, уже помогают взрослым. Остановились, взяв его в круг, смотрят.

– Эй, торговец... а что привёз? – кричит ему синеглазая девочка, кажется, она тут самая старшая и поэтому заводила.

– Я не торговец, – говорит Горохов, слезая с мотоцикла. Он достаёт из сумки коробку с фруктовыми леденцами, скорее всего, эти дети о таких даже не слышали. Протягивает коробку девочке. – Подели на всех, по-честному.

– Сама знаю, – заносчиво говорит та и берёт коробку без каких-либо «спасибо». Дали и дали, чего за это благодарить. Пусть этот тип сам «спасибо» скажет, что не отняли.

– А атаман у вас где? – спрашивает инженер и усмехается, глядя, как у девочки сразу вырос интерес к коробке.

– А кто его спрашивает? – доносится сзади.

Горохов оборачивается на голос, видит пару женщин за детскими головами, и ещё несколько стоит у своих палаток, все смотрят на него. Все они без пыльников, без масок, без головных уборов, в лёгкой, тонкой домотканой одежде, волосы собраны на затылках. У каждой длинные золотые серёжки, на пальцах у некоторых ещё и кольца есть, у каждой на запястьях по несколько разных браслетов, тонкие наколотые узоры украшают кисти их рук. А у одной и целое монисто из золотых замысловатых монеток – вся грудь в золоте. Женщины, без исключения, поджарые, сухие, полных в степи не бывает. Почти все по-домашнему в коротких штанах по колено, голени голые. Это непривычно.

– Я инженер Калинин, меня сюда пропустил Салов, мне нужен атаман.

– Странно, – говорит та, у которой золотое монисто, – атаман как раз с Саловым поехал саранчу собирать.

Тут Горохов даже растерялся на мгновение. Он ещё раз оглядел женщин, что смотрели на него, детей, которые не на шутку увлеклись дележом конфет, а потом сказал:

– Ладно, подожду тут.

– Ну жди, – усмехнулась женщина, повернулась и пошла к большой палатке.

И другие женщины тоже утратили к нему интерес, тоже стали расходиться. Но не все. Некоторые остались, их было трое, они, эти трое, были молодые, все хорошо сложенные, две светлых, а одна темноволосая, но все привлекательные, если не считать их степную поджарость и первые признаки проказы на лицах за изъяз. Переговариваясь меж собой и посмеиваясь, подошли к нему, не особо церемонясь, заглядывали ему в багажные сумки.

– Так ты не торговец? – спросила самая высокая из них.

– Нет, – отвечал Горохов, доставая сигареты и закуривая, – я инженер.

– О! Инженер, – с уважением сказала темноволосая. – А сюда чего приехал? Колодец рыть?

Он усмехнулся и покачал головой в ответ:

– Нет, не колодец.

– А чего же делать хочешь? – спросила вторая женщина, темноволосая, глазастая, С родинкой на подбородке, немного резкая, чтобы быть приятной. С родинкой на подбородке.

– Об этом я с атаманом оговорю, – отвечает Горохов.

– А мотоцикл твой? – спрашивает сероглазая, самая красивая из них, и свою руку в тонких узорах татуировки кладёт на «газ». Узоры на руке красивые, но руки у неё грубые, и под ногтями грязь. Впрочем, грязь под ногтями тут у всех женщин, эти дамы совсем не такие, как в городах. Здесь попросту нет воды, чтобы часто мыть руки.

– Мой, – инженер аккуратно убирает её руку с руля: этого делать не нужно.

– А ты из городских? – интересуется третья.

– Из степных.

– Но с севера? – не отстаёт от него третья.

– С запада, из-за реки я.

– А, из-за реки, – понимает его высокая, – там, говорят, даргов много.

Горохов молча кивает: да, много. Он бы с удовольствием закончил этот разговор, ему сдаётся, что женщины не сами его затеяли, что их послали разузнать о нём побольше. А это ему не нравится. Чем больше информации о тебе, тем быстрее можно найти дыру в легенде.

– А ты женат, инженер? – спрашивает самая красивая, у неё почти чистое лицо, лишь небольшая припухлость под носом, которая почти не портит казачку. Она поглядывает на подруг, и все они улыбаются с этакой женской многозначительностью.

– Нет, – инженер качает головой.

– Нет? А чего? – спрашивает высокая. Тут и интерес в голосе слышится, и какая-то тревога: отчего это может быть не женат мужчина в расцвете лет?

– Да как-то всё не ладилось, – отвечает инженер нехотя. Теперь он думает, что, может, женщин и не подсылал никто, кажется, они сами пришли. Он уже думает: не прогнать ли навязчивых и болтливых баб? Но решает подождать: надо выглядеть добряком.

– А дети? Дети есть у тебя? – не унималась красивая.

– Не знаю, может быть, где-то и есть, – он смеётся.

Женщины тоже улыбаются.

– А как же без жены-то жить, или может, ты, инженер, к любви не способный? – ехидно спрашивает тёмненькая с родинкой на подбородке. У неё тоже татуированы руки, узоры уходят с кистей рук под одежду, а сама так и сверлит его глазами.

А он не отвечает, опять смеётся. «Вот бабы! Ни стыда, не совести...! Нет. Всё-таки нужно их гнать». Горохов стреляет окурком в ближайшую кучу песка, и тут из-за камня, с дюны, в тень съезжает квадроцикл, за ним ещё один, и ещё.

Ну вот, и отвечать не нужно. Одна из женщин сразу уходит, а та, что потемней, и та, что красивая, остаются.

Горохов по одежде узнаёт человека, что едет на первом квадроцикле, это один из трёх, что его встречали, с которыми он уже разговаривал.

Казак слезает с квадроцикла, стягивает маску, очки и держит их в одной руке, хороший дробовик в другой, и говорит беззлобно:

– Самара, ты всё мужа себе ищешь?

– Так ты бы мне нашёл, атаман, я бы и не искала, – с вызовом отвечает ему тёмненькая с родинкой.

«А, это и есть атаман. Лёва Василёк по прозвищу Ходи-Нога. Молодой, лет тридцать, не больше».

– Занялась бы делом, женщина, иди вон почисть саранчу, – говорит молодой атаман. – Инженер, пошли в дом, а то наши бабы тебя заедят, заодно расскажешь, зачем приехал.

Наглая Самара только фыркает ему в ответ, но атаман ей ничего не говорит. Всем известно, что казачки очень своенравны. Горохов идёт за атаманом в большую палатку, что раскинута под самым большим камнем.

Глава 6

Тихо, почти бесшумно работает кондиционер, тянет по низу приятным холодком. Молодой атаман и ещё один уже немолодой казак сели напротив. Женщина в золотом монисто приносит им чай. Теперь инженер рассмотрел её как следует. У неё холёные руки, видно, в доме есть слуги или рабы, она на вид благородна, только под правым ухом виден желвак проказы. Он достаёт из ранца две банки консервированных персиков и бутылку ликёра из кактуса, протягивает всё это женщине:

– Это вам. Выпьете с подругами.

– Ой, спасибо вам..., – она берёт подарки. Улыбается. Ей всё нравится.

А Горохов достаёт ещё одну коробку из ранца. Ставит её перед атаманом. Это сорок восемь отличных патронов. Калиброванные стальные пули семь шестьдесят две, покрытые медью, с крепкой прозрачной гильзой и с капсюлем, не дающим осечки.

– О, – произносит старый казак уважительно, берёт коробку с патронами, чтобы взглянуть на них поближе; его лицо и пальцы обезображены степной болезнью, нижняя губа уже синяя, казак пришептывает, но он, кажется, не придаёт этому большого значения, – с медью.

– Спасибо, – произносит Лёва Василёк, он тоже посмотрел патроны, – это ценный подарок.

Они все выпивают чая. И атаман произносит:

– Ну ладно, а что тебя к нам занесло, инженер?

– Дело... Дело, – Горохов чуть помолчал, – я вчера осматривался тут, в степи, и нашёл местечко, в котором должна быть вода.

– Я ж тебе говорил, что он тут из-за воды, – сразу произнёс старый казак, сидевший рядом с атаманом.

– Да, Еремей, да, – кивал Лёва Василёк, – ты говорил.

– Чуть на юго-запад от ваших сетей есть низина, – продолжал инженер, – мне нужно просто произвести подсчёты, но уже и так ясно, что там есть полость, надо только узнать её размеры и конфигурацию, чтобы определить объём. Для этого нужно будет пробурить пару дыр в земле. Если линза будет больше двадцати тысяч кубов, мы все заработаем денег.

– Сколько денег? – сразу спросил Еремей. – Мы сколько заработаем?

Инженер выдержал паузу, по сути, ему нужно было прикинуть ту цену, что он готов был дать им. Их квадроциклы он видел – старьё, у этой ватаги нет лишних денег. Палатки тоже. Вот и тут они сидели на стареньком войлоке из пуха степной колючки, а не на хорошем ковре, и чай пили из когда-то красивых, но сейчас уже облупившихся, обколотых по краям чашек. А ведь гостю предлагается всегда лучшее. Нет, у Василька денег не было, можно было начинать с тысячи.

– Тысяча рублей, – произнёс он, внимательно глядя на атамана, – пять сотен сразу, как только доберусь до воды.

– Ишь ты, тысяча! – воскликнул Еремей. – А ты, инженер, я запомню, откуда будешь?

– Я из Березняков, – ответил Горохов, уже понимая, куда клонит старый казак.

– Березняки, я слышал, город большой?

– Большой.

– Вот, – говорит Еремей удовлетворённо, – большой город, а скажи-ка, дорогой человек, почём там чистая вода, в твоём большом городе?

– Значит, хочешь посчитать? – спрашивает у него инженер.

– А что ж... И хочу. Мы тут тоже не дураки, авось цифры знаем.

– Посчитать, значит, хочешь? Ну что ж, Еремей, давай посчитаем. Запоминай: аренда одной буровой – восемь сотен в месяц, это без труб и расходников, баржа – сто двадцать рублей. Охрана – четыре сотни. Тягачи и прочий транспорт – тысяча двести со страховками. Рабочим заплатить – две сотни в месяц, за меньшие деньги в ваше пекло никто не полезет. Вам тысячу. Посчитал, Еремей? А если воды не будет или её будет мало, убытки будешь со мной делить?

– На кой чёрт мне твои убытки, – говорит старый казак, машет на инженера рукой, – я казак, а не торгаш, чтобы барыши и убытки считать.

Горохов сдержался, не стал напоминать ему, что только что он собирался высчитывать прибыли от продажи воды в Березняках. Ни к чему это, ему, наоборот, нужно было расположить к себе этих людей. Ведь от того, согласятся ли они ему помогать, будет зависеть успех всего дела.

– Ладно, – инженер, подумав, согласился увеличить сумму, он смотрел прямо в глаза этому казаку и говорил с максимальной убедительностью, – тысяча двести. Это хорошие деньги, атаман, запчасти для техники, новые коптеры, сейчас на них стали ставить новые камеры, ты удивишься, увидев их разрешение. Опять же аккумуляторы, новые экономные кондиционеры, солнечные панели, сульфадиметоксин, аскорбиновая кислота, медицинские

наборы, шприцы... Всё, что угодно – хорошие патроны, мины, рации, любое оружие... И главное, вам почти ничего не нужно будет делать. Только охранять меня и моих людей от даргов. Но ведь ты и так охраняешь свою территорию, свои кочевья. Так что для тебя, по сути, ничего не изменится. А денег прибавится целая куча.

– Это, конечно, так, – снова заговорил Еремей, – но даргов тебе бояться нечего, они тут не появляются.

– Не появляются? – удивился Горохов.

– Нет, не появляются, – отвечал ему старый казак. – Они вылазят откуда-то из-за Чусовой, из-за Лысьвы и прут на Губаху или на Тёплую гору. По реке они не идут. Там сначала их Дулин к реке не подпустит, а дальше мы и другие атаманы. Только по тому берегу они ходят, тут – нет.

Всё это было хорошо, но вот почему молчал сам атаман Василёк?

Всё время болтал старик Еремей. Это Горохову не нравилось.

– Тем более, – произнёс он, – значит, и работы у тебя особой не будет. А деньги будут, бери и покупай, что тебе нужно.

И опять молчит молодой атаман. Горохов понимает: если человеку что-то выгодно, но он не соглашается на предложение, значит, на то есть причина. Причина? Какая? Кто-то предлагает ему что-то более выгодное? Исключено! Никто из нормальных водоискателей не пойдёт в эти бедные водой и опасные места. Значит... значит, оценивает риски, значит, атаман чего-то побаивается. Чего? Вернее, кого? И инженер продолжает убеждать:

– Ну а если сложится так, что воды тут будет мало, или её будет в достатке и я её выкачаю, на твоей земле останутся скважины. Тридцатиметровые скважины. Понимаешь, атаман? А это значит, что в одной из них всегда будет собираться чистая вода, двести или триста литров в день всё равно у тебя будет. Пусть даже всего двести, но это будет настоящая вода, а не то, что ты пьёшь сейчас, – для убедительности Горохов поболтал невкусный чай в обколотой чашке. – Хочешь, продавай её в Полазну, хочешь, сам пей.

– Да, дело, конечно, неплохое..., – начал Еремей.

Но Горохов даже не взглянул в его сторону, он ждал ответа атамана. И тот, поставив чашку на войлок, заговорил, чуть наклонившись к инженеру:

– Легко согласиться с тобой, инженер, посулы, посулы... Разве устоишь перед твоими обещаниями: медикаменты, патроны, запчасти... А нам так много всего нужно, у меня поршневые на двух квадроциклах еле дышат, инжекторы на всех нужно менять, думаю наплевать на расход топлива, карбюраторы поставить, а ведь на всё деньги нужны, на всё... То, что я в город саранчу, рыбе масло и термитный сахар продаю, так мне только на патроны, на самые нужные запчасти и на медикаменты впритык хватает...

– Вот, а когда я воду найду и выкачаю, скважины-то у тебя, на твоём кочевье останутся, ты ещё будешь из них двести литров воды в день продавать, – сразу зацепился за его слова инженер.

– Да, буду, если дадут, – как-то зло отвечал атаман Лёва Василёк по прозвищу Ходи-Нога. Горохов не успел спросить, кто это ему «даст», как он продолжил, – пять лет назад наша ватага могла выставить шестьдесят казаков, а сейчас и сорока не соберём, – он ещё больше наклонился к инженеру, – да и то, у двенадцати из них ещё и борода не растёт. Нас тут не трогают, потому что наше кочевье пустое, а появишься тут вода... Ну ладно, от казаков я от кого-то отобьюсь, с кем договорюсь, а что мне с этой сволочью из Полазны делать? А ведь они тут сразу объявятся, как только ты здесь суету со своими людьми наведёшь.

– Думаешь, появятся? – спрашивает инженер.

Тут оба казака засмеялись, засмеялись невесело, стали брать свои чашки, делать большие глотки чая. И Еремей опять заговорил вперёд атамана:

– Эх, мил-человек, сразу видно, что ты издалека. Ещё не понял, что вся Полазна бродягами и ворами набита. Сброд поганый со всей Камы там собрался. Вот приглядишься, когда там будешь, там и баб-то почти нет, одни мужики, рабы да боты-шалавы. И без малого все эти мужики там живут промыслом, в Пермь ходят за цветниной, а это дело опасное. По краю-то Перми весь металл собрали, весь, даже железяки, и чтобы найти хоть что-нибудь, нужно вглубь идти, а вглубь города идти страшно, какой только подлости там не водится. Я по молодости туда хаживал, тех зверей видал, посмотрел гадов, так те были милахи добрые против нынешних зверей, в общем, погибель там сплошная. Вот... они и промышляют чем могут. Там, в Полазне-то самой, конечно, порядок, там Папа Дулин всех вот как держит, – старый казак показывает крепко сжатый кулак, – а тут, в степи, им интереса нет, понимаешь?

– Понимаю. Интересы нет – они сюда и не суются, – произнёс Горохов. – А появится интерес...

– Да... А как воду ты тут найдёшь? Думаешь, не придут? – спрашивает на сей раз Лёва Ходи-Нога.

– Значит, думаете, как только узнают, так и придут? Ну... может быть, – неопределённо сказал инженер. – Может, и придут.

Старый казак и молодой атаман смотрят на него и понять не могут, то ли не понимает инженер, то ли... не боится лихого народа?

– Вот и я про что..., – снова начинает шепелявить старый казак, – они придут к тебе, а ты придёшь к нам, мол, деньги получили, ну так защищайте, а у нас народа всего ничего... Чем мы тебе поможем? Пацанами сопливыми?

Горохов его слушал и слушал, не перебивал, хотя у него уже было готово новое предложение. Ещё в Березняках, когда он планировал дело, этот вариант Горохов предусмотрительно рассматривал, моделируя разные ситуации, и когда казак замолчал, он сказал:

– Хорошо, давайте так: вы разрешаете мне искать воду на вашей земле и защищаете меня от степного люда и от даргов. А если придёт кто хоть из Полазны, хоть ещё откуда, я разберусь с ними сам. Горожане вас касаться не будут, ваше дело дарги и казаки, ну и живность степная. Ну что? Идёт?

Атаман и Еремей переглянулись, кажется, такой оборот им пришёлся по душе. И видя, что они почти согласны, инженер произносит, как будто размышляя вслух:

– Правда, если я сам буду решать свои проблемы, то и затрат у меня будет больше, давайте тогда я вам дам пять сотен до начала дела, как только буровую привезут, и ещё пять сотен, когда вода пойдёт. Согласись, атаман, так будет справедливо?

Лёва Ходи-Нога уже поднял руку, чтобы махнуть: «ладно». Но его опередил старый казак Еремей:

– Эй, инженер, накинь хоть ещё сотню. Пять сотенных сразу и шесть, когда вода польётся.

Горохов смотрит на него с улыбкой:

– О, а говорил, что казак, а не торгаш...

Еремей думал было обидеться, затряс свой синей губой, да тут атаман стал смеяться, и Горохов тоже, тогда и Еремей тоже начал посмеиваться.

– Ладно, будь по-вашему, господа казаки, – сквозь смех соглашается инженер, – тысяча сто рублей с меня. Пять сотен плачу вперед.

Он протянул руку для рукопожатия атаману, а потом и старику. Да, они оба были довольны сделкой.

– Эй, Анна, – крикнул Лёва Василёк.

И сразу из-за полотняной стены появилась женщина с монисто:

– Чего вам?

– Давай кормить гостя, – распорядился атаман, – и это... Подай чего-нибудь перед едой.

Конечно, речь шла о выпивке, и это был хороший знак. Для тех, кто разбирался в степной жизни и степных обычаях, было ясно, что статус инженера вырос со статуса «торговца» до статуса гостя. Торгаша степной люд никогда не пустит за свой стол. Торгаш – плут, считай что вор, а казак – воин. Как им за одним столом сидеть, самогон пить? Да никак. Не сядет казак с торговцем пить, никогда не сядет.

Женщина принесла пластиковую бутылку, маленькие чашечки, быстро поставила их перед мужчинами, хотела разлить самогон, но Василёк забрал у неё бутылку и стал разливать водку сам.

Глава 7

Горохов старался не пить много, но еду приносили и приносили, а потом пришли ещё казаки, так он и просидел с ними почти до одиннадцати.

– Слышь, инженер, сейчас пекло начнётся, – говорил ему повеселевший Еремей, когда он стал собираться, – ты бы посидел хоть до трёх, а то под этим делом, – он намекал на выпивку, – по жаре ездить – дело тоскливое. Не ровён час, случится что может.

– Ничего, – отвечал он, – как-нибудь.

Горохов вышел, попрощался со всеми и пошел к своему мотоциклу. Инженер был доволен сделкой. В принципе, по плану он закладывал на договор с местными казаками большую сумму. В общем, дело потихоньку двигалось. Конечно, не так, как ему хотелось, но шло. Теперь нужно было делать следующий шаг. Он завёл мотоцикл и, махнув рукой теснящейся в тени скал детворе, взял на юго-запад, к Полазне.

Хорошее место было у Василька, каменная гряда с хорошей тенью, что укрывает от жары и вечернего ветра, хорошие, не очень высокие барханы, удобные для расстановки сетей. Степь, богатая живностью. Вон сколько следов на песке. Ещё и вода у него будет своя, а не из речки. Вот только солнце... Солнце тут испепеляющее, двенадцатый час, а термометр показывает пятьдесят два. А что будет к трём? Шестьдесят? Нужно было прибавить хода, уж очень не хотелось ему искать тень, чтобы пережить жару, как в прошлый раз. До Полазны полтора часа хода, и ему хотелось доехать хоть на десять минут быстрее, чтобы не жариться на самом солнцепёке. Но это оказалось непростым делом. Сначала он шёл очень неплохо и иной раз на открытых участках разгонял машину до пятидесяти километров в час. Тут, где на каждом десятке бархане стояла казацкая сеть, волноваться было не о чем, но как только казачьи уголья закончились, ему пришлось сразу сбросить скорость. Инженер увидел краем глаза, едва успел уловить слева от себя фонтан песка, вернее, песчаный всплеск на невысоком бархане, который был метрах в двенадцати от него. Хоть и был он не очень трезв, но интуитивно сделал всё правильно: сразу выкрутил акселератор до упора. Отличный мотор взвыл, выдал такие обороты, что Горохова даже немного заболтало из стороны в сторону, и мотоцикл быстро унёс его вперёд. Лишь метров через тридцать он прижал рычаг тормоза и повернулся. Никаких сомнений, из бархана выползла вполне себе немаленькая сколопендра, метра на полтора в длину и сантиметров тридцать в ширину. Белёсая, полупрозрачная, недавно поменявшая кожу тварь выползла из песка посмотреть, узнать, что стало с той шумной жертвой, в которую она плюнула своей кислотой. Горохову повезло, кислота сколопендр не только прожигает всё насквозь, она ещё и достаточно токсична, чтобы надолго отравить, лишит сил поражённое ею существо. И теперь ловкая и быстрая многоножка болтала своей коричневой башкой с огромными жвалами из стороны в сторону, ища свой обед в том самом месте, где едва заметно дымился песок, облитый её кислотой. Горохов вытащил из кобуры обрез, стянул вниз, на нос, запыхавшиеся очки, взвёл один курок, поднял оружие и, почти не целясь, выстрелил. Картечь разорвала опасное животное надвое, заодно подняв фонтан песка с земли. Передняя часть сколопендры ещё повозилась в грязи из песка и своих внутренностей, но недолго. «Хотела сожрать меня, тупая тварь, а ещё и часа не пройдёт, как тебя облепит и начнёт высасывать из тебя питательную влагу почти незаметная, белёсая песчаная тля. А как только солнце начнёт садиться, на тебя, выбрав-

шись из песка, приползёт саранча со своими крепкими жвалами, а как стемнеет, на твой запах слетятся и мотыльки-трупоеды, а за ними прибегут гекконы, и ко всему этому пиру ночью, по холодку, прибегут дрофы и прилетят лакомиться саранчой божественного вкуса козодои, которых с большим удовольствием, если они мне попадутся, съем я».

Инженер отвернулся от убитого зверя и сделал то, что всегда делал в первую очередь. Вытащил из оружия пустую гильзу и вставил на её место патрон. Оружие в степи всегда, всегда должно быть готово к бою. Было очень жарко, но весь хмель выветрился, как не бывало. Он уже готов был снова ехать, но прямо перед колесом увидел ещё один извилистый след сколопендры. На этот раз, судя по следу, она была мельче той, что он убил. Да, их тут кучи, кажется, этим вопросом тоже придётся заниматься всерьёз. Теперь инженер заглушил двигатель и не торопясь пошёл по следу. Он не то чтобы хотел выследить и убить эту опасную многоножку по этой страшной жаре, но хотел хотя бы убедиться, что она не зарылась в песок в ста метрах впереди него, что не спряталась в бархан на его пути. Конечно, этим увлекательным занятием лучше заниматься поутру, а не когда на термометре... Уже пятьдесят три?! Он достал из кармана платок, стал обматывать им голову. Ещё и воды нужно выпить обязательно, такая жара – это не шутки. Тепловой удар не предупреждает о своём приходе заранее. Он бьёт сразу. Просто у человека либо всё плывёт, либо темнеет в глазах, его сознание туманится, и он, слабея, падает на песок. Воздух прогрет до пятидесяти, значит, песок раскалён до шестидесяти. И если человеку не помочь, высока вероятность, что он с этого песка уже не поднимется вовсе. Обматывая на ходу голову и не надевая очков, он пошёл по следу и прошёл так метров сто. Эти твари хитры, на конце их мерзких тел что-то типа щётки, она приглаживает следы, что оставляет без малого сотня их острых лап. Сколопендра вползает на бархан, всегда на северную, не солнечную его сторону, и несколькими резкими движениями закапывает себя в песок. Опытный человек найдёт место, где она зарылась, но только в том случае, если нет ветра или не было вечернего заряда, который сгладит на бархане все складки и полностью засыплет песком её следы. Это животное может лежать в склоне бархана несколько суток, лежать и ждать своей добычи. И когда услышит, что кто-то проходит мимо, ей будет достаточно просто высунуть из песка свою клыкастую коричневую башку и выпустить струю ядовитой кислоты, которая запросто прожигает мощное теплостойкое оперение дрофы и парализует птицу. Но вторую сколопендру он не нашёл, в поисках более оживлённого места она свернула на север. И чёрт с ней, он повернул обратно к мотоциклу. Очки инженер так и не надел, оружие, обрез, нёс в руке, опустив его к земле, сейчас он собирался выпить воды побольше и быстрее уехать отсюда, но опять... Что-то он увидел краем глаза. Там, в ста десяти-ста двадцати метрах от него на юг, было открытое место, без барханов, камень, твёрдый грунт почти без песка, густо поросший колючкой и кактусами, а за этим местом – небольшая скала и «привалившаяся» к ней недлинная, пологая дюна, ничего необычного, кроме... На этой дюне, в тени скалы, стояло нечто... Нечто непонятное. Оно стояло как человек, вертикально, но человеком это не было, нет... Руки как у человека, но прижатые к груди, вроде и голова как у человека, хотя и не такая, а всё остальное: грудь, живот, свисающий меж широко расставленных ног, вернее, лап... – всё это было совсем не человеческое. Инженер даже не мог понять, что там и как и куда свисает, так и стоял и вглядывался, пытаясь разобраться, что это вообще было такое. Он судорожно полез в кобуру револьвера, но не за оружием, там, в отдельном кармане, лежал оптический прицел к револьверу. Он вытащил его и сразу поднёс к правому глазу.

Какая-то чертовщина! У этого существа кожа была светло-зелёная, гладкая, с бликом, а лицо... морда, или что там у него могло быть, это было вовсе не лицо человека... Вообще и близко не лицо... А его огромные ноги... У него колени были вывернуты назад, как у саранчи! И брюхо чуть свисало между этих лап. Горохов, не отрываясь, рассматривал это существо в оптику, удивляясь его глазам и сложному устройству, заменяющему существу рот. А оно, в свою очередь, рассматривало инженера. Неотрывно и так пристально, что Горохов, не отдавая

себе отчёта, взяв обрез под мышку, переменял руку с оптикой и большим пальцем руки скинул ограничительную скобу на кобуре револьвера, чтобы без задержки, одним движением выхватить его, если понадобится. И тут же это существо сдвинулось с места, одним долгим движением длинных лап сместилось в сторону, словно уплыло и скрылось за скалой. Как не было его. Горохов ещё постоял пару секунд, а потом спрятал оптику на место и закрыл скобу кобуры, чтобы револьвер не выскочил из неё на кочке. Теперь он не мог просто так уехать отсюда. Как человек, родившийся и выросший в степи, он должен был обязательно увидеть следы, что оставило на песке и на грунте это странное существо. По-другому в степи нельзя, по-другому тут не выжить. Ты всегда должен знать, кто прошёл по этому бархану до тебя, кто тут рядом с тобой сейчас. Только увидав и распознав след, ты определишь, кто его оставил, и время, когда это случилось, и только после этого ты сможешь принять правильное решение. Он завёл мотоцикл и медленно поехал через территорию, заросшую колючкой, управляя машиной правой рукой, а в левой держа обрез. Инженер пару раз останавливался и осматривал всё вокруг. Осторожно подъехал к той самой дюне, к той самой скале. Ещё раз оглядевшись, заглушил двигатель и, держа обрез наготове, стал подниматься по песку на гребень дюны. Нашёл то, что искал. Да, он не видел таких следов ни разу за все годы, проведённые в пустыне. «Это», конечно же, ходило без обуви. Ну а почему оно должно было быть обутом? Попробуй ему ещё обувь на его ноги найти. Три пальца, два вилкой вперёд, один мощный назад. И вот тут он спустился с дюны, а тут... Горохов обомлел! Стал считать шаги.

«Вот это животное! Вот это у неё ноги! – он был, признаться, удивлён, ведь между следами больше трёх метров. – Это с какой же скоростью оно бежит по песку?»

Горохов вспомнил, что говорил казак Еремей про походы в Пермь, и подумал, что нужно будет его расспросить про подобных зверей, а также поинтересоваться, часто ли люди из ватаги Василька видят тут подобных.

«Неужели это прибежало сюда из Перми? Сколько отсюда до развалин великого города? – он посмотрел на юг, на солнце, прикидывая расстояние. – Километров сорок, не меньше, и это с его-то голой блестящей кожей и по здешнему солнышку. Хотя с такими-то ногами, с таким шагом, это животное и за ночь может сюда добраться».

Появление этого существа было совсем некстати. Всё, что могло внести хоть малейшее изменение в его планы, ему не нравилось. Его участок, участок, о котором он договорился с казаками, от реки с запада на восток был почти шесть километров, и с юга на север почти три. Скоро сюда приедут люди, которые не выросли в степи и для которых местная живность представляла особую опасность. Поэтому Горохову ещё здешних сколопендр перебить нужно, осмотреть участок на предмет шершней, в общем, и так забот немало, а тут ещё какая-то неведомая, с большого человека ростом, тварь. Остаётся только догадываться, что она жрёт.

Он опять взглянул на солнце. Даже не глядя на термометр, было ясно, что нужно убираться отсюда. И инженер пошёл к мотоциклу.

Горохов еле добрался до своей гостиницы. Час дня, на термометре пятьдесят восемь, а с годами такие температуры он переносил всё труднее. Что ни говори, а молодость уже осталась за плечами. Два часа на таком солнце – и его не покидало чувство бесконечной усталости. Сейчас его даже жажда не мучила. Хотя первые признаки обезвоживания были, как говорится, налицо. Но у него ещё были дела, дела неотложные.

– Мне нужно помыться, – произнёс он устало, усаживаясь за стол напротив стола, за которым вела дела хозяйка. Она оторвалась от тетради, в которую что-то записывала, и ответила:

– Подождите минуту, сейчас запишу кое-что, а то забуду. Отчёт пишу.

– Пишите, пишите, – согласился он, подзывая жестом Нинку и вытягивая затёкшие на мотоцикле ноги, – а что за отчёт, если не секрет?

– Отчёт по аренде и по налогам, – отвечала хозяйка, – я ж это заведение арендую.

– О, так тут ещё и налоги платят? – спросил Горохов и тут же заказал у пришедшей Нинки воды.

– А как же, у Папы Дулина с этим не забалуешь, налоги обязательно плати, иначе... – она многозначительно замолчала, уставившись в тетрадь.

– Иначе будут неприятности, – договорил за неё инженер.

Видимо, женщина не хотела развивать эту тему и просто кивнула, не отрывая глаз от тетради.

– Нина, – Горохов отпил неприятной воды. – Мне нужно помыться.

– Водные комнаты все свободны, одна копейка два литра, мойтесь сколько хотите, – сразу сообщила девчонка.

«Два литра – копейка?! Даже если Папа Дулин заберёт у вас половину того, что вы тут набарышничаєте, всё равно вы останетесь с хорошей прибылью!». Он уже прикидывает, сколько денег возьмут с него эти ловкие арендаторы за сегодняшний день. Но это никак не может повлиять на его желание хоть немного помыться, почувствовать на себе воду после изнуряющего полуденного зноя.

– Так, где эти водные комнаты у вас? – спрашивает инженер девочку, снова отпивая воды.

– Пойдёмте, я покажу, – услужливо отвечает та.

Глава 8

После воды, после чистой одежды, конечно, ему полегчало, теперь он и поел с удовольствием. А во время еды к нему подошла хозяйка и напомнила, что он должен заплатить шестьдесят шесть копеек, это с учётом обеда и помывки.

«Отсюда надо съезжать, – думал Горохов, молча рассчитываясь с ней. – Как говорится, это ни в какие ворота».

Он вернулся к себе в комнату, сел писать письмо, а написав, повалился на кровати под кондиционером, валялся до шести, пока температура не упала ниже сорока, и лишь тогда покинул заведение. Время до темноты у него было. Шесть часов пять минут. До того как с востока накатится темнота, ещё два часа. И он хотел кое-что за это время успеть. Во-первых, сразу пошёл вниз по улочке, к пристаням. Начал было волноваться, что сегодня дело не выгорит, так как у пирсов стояло всего две лодки. Инженер, ещё спускаясь по пыльной улочке, увидел, что к одной из них подъехал старый тягач с прицепом, на котором стояли бочки. А ещё на прицепе... на прицепе сидели, свесив ноги, два огромных, двухметровых бота, каждый килограмм по сто пятьдесят. Несколько лет назад один такой его сильно удивил своим появлением, теперь боты никого не удивляли, особенно здесь, на юге. Из лодки на пирс спустился человек, ещё один вылез из тягача, и они, перекинувшись парой слов с капитаном, организовали разгрузку. Один бот спустился в трюм лодки, второй стал чуть наклонять бочки на угол и снимать их с прицепа, относить на лодку и там аккуратно опускать их в темноту трюма. Пластиковая бочка в двести литров, пусть даже масло весит легче воды, всё равно почти сто восемьдесят килограмм, а вон с какой лёгкостью бот берёт и несёт такую тяжесть к лодке. Горохов идёт к месту погрузки. Возможно, это было то, что ему нужно. Он направляется к тому человеку, что вылез на пирс из лодки.

– Добрый вечер, – произнёс он, подходя к нему.

Человек разбирался с куском провода, зачищал концы от изоляции коротким ножом. Немолодые глаза над маской внимательно рассматривают инженера:

– И вам доброго вечера.

– Вы капитан? – спрашивает Горохов, разглядывая лодку.

А лодка-то как раз была неплоха. Чистая палуба, канаты сложены аккуратно, рубка как новая, не запylённые двойные стёкла, хорошая резина на уплотнителях. Это Горохову нравилось, порядок говорил о том, что хозяин – человек ответственный, человек, которому можно доверять.

– Я. Если вы про фрахт, то трюм у меня полон, есть место только на палубе, – сразу предупредил капитан, он весьма умело орудовал ножом, зачищая провод. – Если груз не габаритный и до трёх тонн, то смогу закрепить.

– Нет, я без груза, у меня просто письмо. Вы же на север идёте?

– Уважаемый, я ещё не рехнулся, чтобы отсюда ходить на юг, на юге Пермь, а я на тот свет пока не собираюсь.

– Нет-нет, – Горохов смеётся, – в Перми у меня знакомых нет. А сможете передать письмо в Пожве?

– Пожва другое дело. Ладно. Попробую, – неопределённо отвечал капитан, кидая обрезки изоляции в рыжую воду.

– За сутки успеете дойти до Пожвы? Вы ведь на север по течению пойдёте?

– Уважаемый, все реки всегда текут на север, – поучительно говорил капитан, теперь поглядывая, как боты загружают в трюм последнюю бочку, – так что пойду, конечно же, по течению, но на малых оборотах, чтобы жир экономить, если за сутки не дойду, дойду часов за двадцать шесть, конечно, если никаких по пути приключений не случится.

Теперь он явно ждал предложения от инженера.

– Рубля будет вам достаточно? – спросил Горохов, протягивая ему конверт и серебряную монету.

– Ладно, достаточно, – не то чтобы радостно согласился капитан, забирая у него всё это. – Кому передать? Только имейте в виду, мне там долго чалиться нужды нет. У меня груза на Пожву нет, зайду туда только ради вашего письма.

– Не волнуйтесь, это минутное дело. Передайте письмо буровому мастеру Дячину. Он сейчас живёт в гостинице «Придорожной». Она прямо напротив причалов. Он ждёт письма.

– А... Я знаю эту гостиницу, – капитан спрятал письмо и деньги во внутренний карман пилы, – что-нибудь передать на словах?

Это было как раз то, что нужно, инженера устраивало, если по реке пойдут подобные слухи, и он говорит:

– Да, скажите, что я начну измерения уже завтра, но пусть он поторопится, вода тут точно есть.

– Значит, нужно передать, что вода есть, вы начнёте измерения завтра, пусть ваш этот мастер поторопится, – повторил капитан.

– Точно, – сказал инженер и протянул ему руку, – надеюсь, что приключений не будет и вы дойдёте спокойно.

– И я надеюсь, что завтра к ночи буду в Пожве, – произнёс капитан, пожимая руку инженеру.

Инженер не спеша пошёл по улице, прикидывая в уме сроки: сутки письмо будет идти вниз до Пожвы, трое вверх по течению будет тащиться тяжело гружёная баржа с оборудованием. Значит, у него четыре, а скорее всего, пять дней на разведку, на карту, на геосъёмку местности, на составление плана бурения и на очистку территории от сколопендр. В принципе, времени достаточно. Да, достаточно. А пока он собирался посмотреть город. У него до выезда сюда была набросанная от руки и по памяти карта города, которую он тщательно изучал, но, как выяснилось уже при первом знакомстве с городом, карта была весьма условна. Это Горохов понял, когда ещё в первый раз пытался найти восточный выезд и немного заплутал. Теперь, пока было время, он собирался изучить город тщательно. Вплоть до проулков и самых грязных и опасных забегаловок. Хорошее знание местности не раз выручало инженера в его прошлых делах. И тем более он не собирался пренебрегать этим сейчас, в этом сложном и очень опасном деле. Инженер знал: город делится на две неравные части, верхнюю и нижнюю, на условную четверть и три четверти. В большую часть города, в ту, что была ниже, входили и пирсы, и цементный завод, и литейный цех, и цеха опреснителей, а также оружейные и автомастер-

ские, производство взрывчатки и топлива, гостиницы, столовые и многое, многое другое. Но интересней для инженера была вторая часть города, верхняя. Даже отсюда, снизу, были видны мачты ветротурбин всех возможных высот и мощностей, которыми пользовались те, кто жил там, наверху. А ещё панели, панели, панели на всех крышах всех домов, и ко всему этому в верхнем городе была и электростанция, да, настоящая электростанция, так что вечером и ночью никто не беспокоился, хватит ли до утра аккумуляторов, улицы там были освещены, камеры наблюдения всегда работали. Банк! Там работал банк, это был самый южный банк из всех существующих. А ещё в верхнем городе были хорошо увлажняемые плантации, правда небольшие, и больница – по словам тех, кто там был, очень неплохая. Но не банк, не больница и не электростанция были самыми ценными заведениями города Полазна. Главными заведениями были склады и Контора Папы Дулина. По словам людей сведущих, в хорошо охраняемых складах Полазны были собраны сотни тонн самых ценных материалов. Медь, алюминий, свинец. Все уже переплавленное в чушки – грузы и вези. Тут можно было найти и драгоценное олово, и редкий хром. Серебра, золота – этого тоже хватало, в общем, тут было всё, что душе угодно. А уж железа столько, что не хватит лодок, чтобы его за раз перевезти на север. Контора Папы Дулина готова была купить всё, что вытащат из Перми старатели. Конечно, ценник Контора давала не такой, какой можно было взять на аукционах в Березняках или Соликамске, но ты ещё попробуй доберись до этих северных городов с добытым. А тут продал всё Конторе, получил в банке чек, который примет любой банк на севере, и плыви себе домой налегке. В общем, Полазна зарабатывала на старателях, скупая у них товар и предлагая им взамен склады с рыбьим жиром, с оружием и патронами, со всяким нужным в степи снаряжением и самой разнообразной колёсной техникой.

И Горохову на всё, что было в верхнем городе, очень хотелось взглянуть, приглядеться. Но это было непросто. Дело в том, что вся Полазна была обнесена бетонным забором, как говорили, от даргов и казаков, но и верхний город отделяла от нижнего ещё одна стена. Город в городе. Трёхметровая, крепкая, с «колючкой» поверху. И если в нижний город можно было приехать любому, то попасть в верхний без пропуска было нельзя. Такие правила тут ввёл Папа Дулин, который, как говорят, пережил несколько покушений и больше не хотел рисковать. Инженер остановился у стены и как бы невзначай оглядел её справа налево. У него и капли сомнений не возникло, что стена с той, с внутренней стороны просматривается ещё и камерами. И... он заметил узкую щель в одном из домов, что был там, за стеной. Бойница для пулемёта, с роскошным углом обстрела.

Да, люди не ошибались, когда рассказывали ему, что верхний город, по сути, неприступен.

Он пошёл дальше, разглядывая дома, что были по эту сторону стены. Даже тут дома добротные, крепкие, все как один с солнечными панелями. Во всех домах окна на северных стенах, встречаются и немаленькие. А ведь большие окна – это роскошь: двойные стёкла, резиновые уплотнители, да ещё в такой дали. Всё это стоит немалых денег. А ещё что бросается в глаза, так это то, что на улицах нет песка и даже пыли по углам. Всё убрано. Значит, и на уборку улиц денежки у властей есть. Он идёт вдоль стены, от главной улицы, что ведёт вверх от пирсов, проходит четыреста шагов. После поворот направо, мастерская по ремонту квадроциклов и за ней узкий проулок. «Нужно будет узнать, куда он выводит». Тренированный ум инженера всё это запоминает, всё систематизирует, укладывает в виртуальную карту. Возможно, эта информация ему никогда не пригодится, но может так стать, что она спасёт ему жизнь. Так что пусть будет. Пусть будет. И Горохов идёт дальше, он не торопится, хотя скоро уже начнёт темнеть. Ну и ладно. Везде над забором фонари, так что он не заблудится и всё, что нужно, рассмотрит и ночью.

Заведение с красочной вывеской «Кама». Солнце ещё не село, а уже на улицу выходят зызывалы. Женщины, у них длинные ноги с красивыми, полными бёдрами. У степных женщин

таких бёдер не бывает. Они вызывающе привлекательны в своих обтягивающих, микроскопических одеждах. Боты. В этом инженер не секунды сомневается, с удовольствием разглядывает их и даже отвечает что-то на их однообразные приглашения, хотя прекрасно понимает, что отвечать им не нужно, это абсолютно бессмысленное занятие, как, например, делать им комплименты.

Он закуривает, стараясь не снимать надолго респиратор, – река всё-таки близко – и идёт дальше вдоль стены, фиксируя для себя расстояние и расположение следующего перекрёстка, проходит электромастерскую, что предлагает установку, ремонт и чистку солнечных панелей. Прохожих становится всё больше, люди выходят на улицу, жара спадает, самое время поработать. И вот первые ворота в верхний город. Он запоминает. «Двести шагов от перекрёстка на запад, ориентир: большой двухэтажный дом с киловаттной ветротурбиной на высокой мачте».

За распахнутыми воротами небольшой дом-будка с окнами. Он едва делает два шага, как дверь будки раскрывается, охранник даже не выходит на жару, он кричит из дверного проёма: – Пропуск!

– Нет, извините, я не прохожу, я просто хотел спросить, а тут больше не у кого: я правильно иду к цементному заводу? – Горохов давно заготовил этот вопрос.

– Нет, – кричат ему из проёма, – дальше конец города: стена и река, а цементный завод в обратной стороне, на востоке, иди обратно по этой дороге до конца, цемзавод будет направо от выхода. Увидишь.

– Понял, спасибо, – кричит инженер, делает знак вежливости и уходит.

«Ну да, пропуск», – ему говорили, что просто так, за здорово живёшь, в верхний город не зайти, что нужно приглашение либо от Конторы, либо от банка. Ещё можно пройти, если кто-то поручится или по разрешению службы безопасности. И никак иначе. Строгости службы безопасности. Инженер ещё раз огляделся. Стена, камеры, охрана. Да, тут не забалуешь. Поэтому здесь, в степи, среди даргов и казаков, среди всякого сброда со всего юга и может существовать город со складами и банком.

Он не послушал совета охранника из будки и пошёл дальше на запад вдоль стены. Хотел дойти до конца дороги, и вскоре и вправду оказался на самой окраине города, откуда было видно реку.

Домики тут, на окраине, у забора, были победнее; понятное дело, те, кто имел деньги, не хотели жить рядом с рогозом, который рос сразу за забором. Тут и днём, и ночью грибка столько, что и дома будешь ходить в маске. Он уже хотел развернуться и уйти, но остановился, увидел, что по реке плывёт баржа. Неплохая такая баржа, большая, судя по осадке, хорошо гружёная. Горохов не очень хорошо разбирался в судах, что ходили по реке, какое в ней водоземещение, он определить не мог: две тысячи? Три тысячи тонн? В общем, гружёная баржа уверенно прёт против течения по самой быстрине, по середине реки и на фоне заходящего солнца. Да и Бог бы с ней, какое дело инженеру до этого судна? Да никакого, если бы не одно «но». Она уверенно шла против течения, то есть на юг, наверное, старалась успеть куда-то до захода солнца.

На юг? В Пермь? Неужели в Пермь?! Но ведь все знают, что дальше Полазны дороги нет. Вот и пару часов назад капитан, забиравший у него письмо, говорил, что жизнью своей ещё дорожит, чтобы на юг плавать, а этот на барже, что, не дорожит? Вместо того чтобы развернуться и уйти, Горохов достаёт сигареты, закуривает, чуть оттягивая маску респиратора. Он провожает взглядом баржу, пока та не скрывается в закате. «Очень интересно».

Глава 9

Инженер опять поднялся рано, за три часа до рассвета, и стал собираться. В кабаке под его комнатой стоял приглушённый гул разговоров, галдёж, играла музыка, хозяйка кричала на разносчицу. Умылся, почистил зубы, протёр тело мокрой простынёй. Мыться с утра – пустая трата денег. Намного приятнее сэкономить и помыться, приехав с жары. Инженер выглянул

в окно: как там на улице? На улице многолюдно. К пирсам один за другим проехали два гружёных тягача. На соседней крыше два человека демонтируют большую панель. Люди хотят до жары успеть сделать все нужные дела. Он проверяет канистру с водой, она полна едва наполовину. Нужно доливать. В канистре вода чистая, он её привёз с собой; здесь, в гостинице, опреснёнка, жаль портить хорошую воду, но если едешь в степь, канистру лучше иметь полную. Аптечка. Тут всё в порядке, все баснословно дорогие инъекции на месте: биогель, антибиотик, стимулятор, регенератор, все нужные таблетки, всё цело. Дальше топливо. Горохов спустился в гараж. Нужно заправляться. Вчера, когда осматривал город, он видел мастерскую, там наверняка есть рыбье масло для мотоцикла. Инженер заказывает себе завтрак в номер, а сам идёт в гараж. Проверяет резину и амортизаторы – всё в порядке. Свечи, стартёр – тоже всё в порядке. За мотор он спокоен. Оружие. С револьвером всё, как и всегда, всё нормально. Обрез... А с ним-то что может быть?

Инженер проверяет патронташ, патронов достаточно. Можно завтракать и ехать. Да, сегодня у него немало дел. Нужно по возможности сегодня, до жары, набросать карту и прикинуть место для первой скважины. Если он всё правильно посчитает, может, удастся вообще обойтись одной. Инженер знает, что вода там есть. Но вот где лучше начать бурить – это вопрос. Хочется поближе к берегу, чтобы тянуть меньше труб, но при этом не хочется налететь на камень. В общем, нужно смотреть, нужно считать.

Стук в дверь. Наверное, Нинка или другая разносчица принесла завтрак. Он отворяет – а там чёрный пыльник начальника безопасности. Тарасов и два его спутника.

– Не разбудил? – он вытирает свою большую лысую голову платком. – Угу... Вижу, что не разбудил.

– Нет, я уже встал, – Горохов насторожился, хоть и по его виду этого не видно, на лице у инженера только выражение досады: ну что вам ещё нужно? Я же всё уже рассказал. – Вот жду завтрак.

Он жестом приглашает Тарасова к себе, а за ним, конечно, входят два здоровенных его спутника. Комнатка и так маленькая, а тут, когда её заполнили эти крупные люди, она стала просто крошечной. Инженер ждёт, что скажет начальник безопасности, и тот начинает, оглядывая комнату, он видит канистры, аптечку, ящик с теодолитом, рейки, буссоль, всё это собрано возле двери.

– Собираетесь куда-то? – его маленькие глазки не отрываются от инженера.

– Еду в степь, – тот демонстрирует спокойствие и показное терпение. – Пока жара не началась.

– А... И что там делать будете?

– Кое-что померить хочу. Набросать геодезическую карту.

– А вчера где были?

– В степи, где же ещё?

– Ага, – Тарасов смотрит на него всё так же, – в степи, а потом?

– А, – вспомнил инженер, – ещё на пристани, письмо передавал, а потом по городу прошёлся.

– Прогулялись перед сном?

– Прогулялся. Посмотрел город.

– А в степи вы... там ни с кем не встречались? – спрашивает начальник безопасности.

– Встречался с казаками. С Лёвой Васильком.

– На предмет?

Его, кажется, всё интересует. На первый взгляд это не очень хорошо, но это на первый взгляд; Горохову, по большому счёту, нужно, чтобы о его работе говорили. Тем не менее Горохов молчит, он всем видом демонстрирует Тарасову, что тот злоупотребляет.

И тут Тарасов снисходит до того, чтобы пояснить непонятливому инженеру своё любопытство:

– Мы тут живём... сами видите... на краю мира, в окружении всякой сволочи. Степь вокруг заполнена бандитами, разнообразными атаманами Васильками, Карповичами и прочими бродягами... Ещё и даргами, так что, если мы хотим выжить, нам нужно знать всё, понимаете? Всё.

– Я говорил с ним насчёт территории, насчёт их кочевий.

– Договорились? – любопытствует Тарасов.

– Договоримся, если найду воду, – отвечает Горохов, не желая раскрывать все нюансы их с Васильком договора. Незачем ему всё это знать. Начальник безопасности понимает, мол, ладно, и продолжает потом:

– Угу, ну ясно, – и тут же уже другим тоном заводит новую песню: – А ваш знакомый так и не объявился.

– Что? Какой знакомый? – Горохов делает вид, что сначала не понимает, о чём идёт речь, но тут же спохватывается. – А, вы про Жупана, что ли?

– Про Жупана, – кивает Тарасов, – про него, про него. Мы тут поговорили с людьми... И знаете что? Он ночью по пьяной лавочке хвалился, что знает про какой-то схрон.

– Что за схрон? – Горохов делает вид, что это мало его заботит. Спрашивает, что ли, из вежливости: ну, мол, говори, раз тебе неймётся.

– Они сначала играли в карты, а потом говорили про схрон.

– Про схрон? – инженер на секунду задумывается.

И начальник безопасности, увидав это, уточняет:

– Тоже слышали про схрон?

– Нет, не слышал, – инженер был спокоен; если бы они знали про схрон что-то конкретное... то уже не тут бы с ним разговаривали. Тем не менее разговор становился всё неприятнее и неприятнее.

– А вы с этим Жупаном остановок нигде не делали? – продолжает Тарасов. – Может, вспомните?

«Неужели нас кто-то видел? Но откуда? Других лодок на реке не было, это точно, может, кто с берега?»

Инженер чуть думает и отвечает:

– Капитан останавливался пару раз, приставал к берегу. Один раз ночью, вернее, вечером, после заряда стояла большая пыль, он сказал, что не видит, куда плыть. А второй раз днём, температура была за шестьдесят, у него начали гореть прокладки в двигателе. Он сказал, что мотору нужно чуть поостыть.

– Отлично! – голова начальника безопасности снова покрылась потом, он снова её вытирал платком. – А сможете показать то место, где вы останавливались днём?

– Нет, рубка была местом, где ещё можно было находиться, я не вылезал на палубу. Там было под шестьдесят, – отвечал Горохов. Этот разговор всё больше заставлял его напрягаться. Между прочим, он уже подумывал о револьвере, висевшем на бедре, уже один раз косился на спутников Тарасова и даже рассчитывал свои действия, если вдруг что... Но это, кажется, были преждевременные мысли. Спутники начальника безопасности были расслаблены. Впрочем, они просто могли делать вид, что они расслаблены. Так что нужно было держаться настороже. И он закончил:

– Я не видел, где он причаливал, я всё время лежал под кондиционером на мешках с едой.

– Да вы не нервничайте так, – произнёс Тарасов примирительно. Он даже изобразил подобие улыбки. – Это же просто разговор.

– Да уж как тут не нервничать, – с едва скрываемым раздражением отвечает инженер, – вы всё время у меня что-то спрашиваете, к чему я не имею никакого отношения, я же вам уже говорил...

В эту секунду кто-то стучит в дверь, все люди, находившиеся в комнате, напряглись, Тарасов смотрит на Горохова:

– Ждёте гостей?

– Никого я не жду, – не очень дружелюбно отвечает тот, а сам уже думает, что будет делать... в кого будет стрелять в первого, – никаких гостей я не приглашал.

Тарасов кивает и, подойдя к двери, открывает её, а там была Нинка с подносом. Горохов перевёл дух, а начальник службы безопасности и говорит почти радостно:

– О, вот и завтрак поспел. Ну, не будем вас больше задерживать, завтракайте, инженер.

Нинка, испуганно косясь него, быстро ставит поднос с едой на столик и чуть не выбегает из комнаты.

Два спутника Тарасова тоже выходят, он сам вдруг останавливается в двери, не давая инженеру её закрыть:

– Последний вопросик. А вы с Жупаном одни были на лодке?

– В рубке мы были точно одни, – твёрдо говорит Горохов.

– Угу, – задумчиво произносит начальник безопасности, – значит, в рубке вы были одни. Ясно, ну кушайте, кушайте.

«Вот сволочь какая въедливая», – инженеру даже есть расхотелось, хотя он всегда с утра голоден. Горохов присел на край стола, задумался, поигрывая ложкой: да, этот Жупан, безмозглый картёжник, дурак, который спяну сел играть в кабаке в карты с местными жуликами, серьёзно осложнил ему жизнь своей выходкой. Но с другой стороны, у этого Тарасова пока ничего нет. Ну, пронюхал он про схрон. И что? Ну да, Жупан проигрался двум ловкачам, предложил им какой-то схрон в погашение долга. А вместо этого отвёз их в тихий уголок, да и кончил обоих. А сам теперь тут не появится. Вполне себе правдоподобная версия. Да, это могло быть похожем на правду. Но вот ему самому пока к схрону подходить было нельзя. А он пока и не собирался. Только тут он вспомнил про время. Да, точно, через полтора часа уже взойдёт солнце, то есть до жары у него было всего семь часов, а ему ещё нужно было два часа на дорогу.

Надо было выезжать побыстрее, он тут же сел есть и опять убедился, что здешняя стряпня не стоит денег, что за неё просят.

Только-только рассвело, а он уже подъезжал к нужному месту, температура была вполне рабочей, и он сразу принялся за дело. Нужно было снять геометки, а для этого требуется два человека, пришлось попотеть, побегать туда-сюда, пока на нанёс на миллиметровку первые точки. Через два часа кое-что стало вырисовываться. Низина, хорошая такая, продолговатая низина. Верный признак длинной линзы. Она шла с уклоном от востока на запад, к реке. Карта, которую он купил у старого геодезиста, у которого от проказы уже плохо сгибалась пальцы, не врал. Вода тут должна была быть.

– Вода там есть, клянусь, – почти шептал старик синими изуродованными губами, когда они сидели в дешёвой столовой в Соликамске. – Но, друг мой, я вам врать не буду, вы там не накачаете больше двадцати тысяч кубов. Не хочу вас обманывать, линза не будет высококоррелябельной.

– Но двадцать тысяч есть? – переспрашивал Горохов задумчиво.

– За двадцать тысяч ручаюсь, – говорил старый геодезист.

Горохову больше и не было нужно.

– Десять рублей, как договорились? – он протянул старику крупную медную монету с цифрой «десять».

– Да-да, десять, но мне прямо неловко у вас брать эти деньги, зная, что работы там будет много, а выхлоп вас не озолотит, – геодезист взял монету дрожащими пальцами.

– Вам не в чем себя упрекать, вы меня предупредили, – произнёс Горохов, пряча карту, набитую на тонком полупрозрачном листе бумаги, во внутренний карман пыльника. – А я уж постараюсь выжать из этой карты всё возможное. Получится или нет, это уже моя забота.

Он проехал ещё километр и снова достал инструменты, начал производить замеры. Снова наносить данные на карту. Поставив на очередной возвышенности теодолит, хотел уже записать цифры в тетрадь, но увидел след на песке метрах в пятидесяти от себя. Сколопендра. Не то чтобы очень большая, но и не такая маленькая, которой можно было бы пренебречь. И след был совсем свежий. Она оставила его на рассвете. Небольшие твари, которые ещё набирают вес, питаются в основном саранчой и гекконами, но эта была из тех, которые уже могли нанести серьёзные раны своей кислотой. Инженер, чуть подумав, подошёл к мотоциклу, достал из кобуха обрез, машинально переломил его, проверяя патроны. Да, всё на месте. Также откинул скобу с кобуры револьвера – вдруг понадобится – и пошёл по извилистому следу опасного животного, стараясь не скрипеть песком. Горохов прошёл метров двести, шёл не спеша, тут спешить нельзя, в этом деле нужно быть острожным. Когда сколопендра просто перемахивала через гребень бархана, он его обходил, держа оружие наготове. Находил след и снова шёл по нему. Наконец он нашёл высокий бархан метра в два высотой, где сколопендра и залегла. Лёжки они всегда устраивают на северном склоне бархана, где песок днём прогревается меньше. О том, что животное залегло, всегда можно узнать по резко обрывающемуся следу. Шёл, тянулся и вдруг закончился в песке, словно она взлетела. Животное быстро закапывается в песок, а потом ещё вздрагивает всем телом, чтобы заровнять след на склоне. Если не знать её повадок, то и не разберёшься, куда она делась: была и нету. Горохов взводит оба курка и как можно тише приближается к тому месту, где спрячется животное. Первый выстрел жаканом в песок – на ощупь, на интуицию, не факт, что он будет удачный; если повезёт, то заденешь зверюгу, а если нет, то из песка её поднимет. Тут, когда многоножка вынырнет, уже можно бить её картечью. Да, как раз тут и нужно бить. И лучше не промахиваться. Тварь не такая уж и тупая, она, выскочив из песка, быстро сообразит, откуда исходит опасность. Горохов пару секунд стоял и прикидывал: да, шла она с запада, значит голова на востоке. Он прикинул точку и поднял оружие, и вдруг вздрогнул от крика:

– Не там она... Она дальше легла!

Глава 10

Женщина стояла в двадцати метрах за его спиной на гребне невысокого бархана и смотрела, судя по всему, на него. То, что это женщина, он понял ещё по голосу, так же об этом говорил и её вид. Пыльники мужиков – вещи обычные, утилитарные, которые просто выполняют свои функции. Они нужны, чтобы прятать тело от солнца, от пыли, ну и помогать хозяину переносить всякие нужные вещи в многочисленных карманах. Пыльники степных женщин – они не такие. Почти белый лёгкий плащ до колен всегда имеет поясок и всегда расшит тонким узором, который знающему человеку немало расскажет о хозяйке. Много можно узнать о женщине по её одежде. К какому кошу принадлежит, есть ли муж, есть ли дети, богата или нет. Горохов всех тонкостей таких вышивок, конечно, не знал, но по одному виду пыльника понял, что женщина из рода небедного. Все плечи и верхняя часть груди её пыльника были обшиты тонкими блестящими пластинами из шлифованных металлов. Вроде эти пластины должны были отражать часть солнечного света, но инженер думал, что они имеют больше статусное и декоративное значение, чем какой-либо смысл. Белый платок укутывал голову женщины, очки и маска закрывали лицо, руки и ноги затянуты в отлично выделанную шкуру варана. В левой её руке был неплохой дробовик, за спиной мешок. Женщина подняла свободную руку, указывая:

– Она дальше... Метров на пять.

Вообще-то инженер так не считал. Он видел, где на склоне кончается едва различимый на песке след животного. И не собирался слушать советы женщин. Горохов убил много сколопендр, он и сам вырос в степи. Так что инженер медлил, поглядывая то на неё, то на песок

бархана, за которым должно было прятаться животное. Ну а женщина ждать не стала, вскинула своё оружие, плотно, по-мужски приложив его к плечу. Выстрел.

«А бабёнка-то не шибко умная, – подумал Горохов, глядя, как некрупная дробь выбила из бархана целую тучу пыли с песком, – она этой своей дробью собиралась сколопендру бить?»

Тем не менее, этот выстрел своё дело сделал; из-под песка рывком вынырнула почти чёрная, клыкастая голова сколопендры. И вынырнула она именно оттуда, куда выстрелила женщина. Тут бы инженеру себя и показать, убить тварь первым же выстрелом, ведь она извивается в пыли всего в десяти метрах от него, но он позорно мажет, стреляя зачем-то жаканом. Ну, не то чтобы совсем мажет, тяжёлая железная пуля чуть задевает хвост животного, но не так, как нужно, приходится тратить ещё и патрон картечи. Тут он уже не промахивается. Ещё бы он картечью да с десяти метров промахнулся. Совсем был бы позор. Картечь сколопендру убивает, а пока её кислота вытекает на песок, он быстро меняет гильзы в обрезе. А женщина спускается с бархана и идет к нему, стягивая респиратор с лица, а на подбородке родинка.

– Серая...

– Что? – не понимает инженер. Он узнаёт женщину.

– Сколопендра серая, они самые хитрые из всех, – продолжает она, подходя к нему, – закапываются, а после ещё в песке шевелятся и шевелятся, и так проползают под песком ещё метров пять-шесть.

– А, – понимает он, смотрит на убитую сколопендру, она и вправду серая, а не прозрачно-жёлтая, как другие. – А вас, кажется, Самара зовут?

– Что? – она снимает очки, смотрит на него изучающе и говорит таким тоном, словно подначивает. – Запомнил моё имя, инженер?

– Запомнил, – соглашается Горохов. – Как не запомнить? А вы здесь что делаете?

Она лезет за спину и из мешка вытаскивает крупного, тяжёлого козодоя:

– Вот, с утра тут за ним бегала, искала, где отсиживается. Ещё вчера его заметила, только сегодня добыла, а тут слышу мотоцикл, думаю, дай взгляну, кто по нашим кочевьям таскается, – объясняет женщина.

Она говорит это спокойно, уверенно. «Добыла», «наше кочевье», всё это в её устах, её тоне звучит естественно, этакая хозяйка окрестных степей. А ещё женщина, кажется, гордится своей добычей. Ну а как не гордиться, козодой – птица вовсе не редкая, но вот добыть её не просто из-за её удивительной осторожности.

Пока добудешь – побегаешь по пескам, намаешься.

– А ты что тут делаешь, инженер? – продолжает Самара.

– Да так, смотрел кое-что, считал.

– Слыхала, атаман говорил, что ты тут воду собираешься искать.

– Да возможно, что уже нашёл, будем бурить и узнаем наверняка.

– Значит, люди городские приедут? – спрашивает женщина и, судя по тону, её это заинтересовало.

– Да, приедет пара человек, будем вышку ставить.

– Значит, надо сколопендр перебить будет, – говорит она, чуть подумав, – иначе пожгут тебе твоих городских.

– Обязательно. Как с измерениями закончу, так возьмусь.

– А хочешь, я тебе помогу? – спрашивает Самара. – Наши сколопендры вашим северным не чета, ты наших ещё не знаешь. А я с ними с детства знакома. Да и сыну моему младшему год назад одна такая ногу обожгла, у меня теперь к ним свой счёт. Хочешь, возьмусь за них?

Она права, Горохов ещё никогда не видел таких серых сколопендр... Но ему не хотелось бы... ну, чтобы женщина ему помогала; во-первых, это как-то неправильно, охота – дело мужское, а во-вторых, это может негативно сказаться на его отношениях с местными казаками. Скажут, приехал землю нашу сверлить, ещё и баб наших охмуряет. Атаман, кажется, упоми-

нал, что она мужа ищет, но, скорее всего, у неё и в её коше есть поклонники, всё-таки баба молодая и привлекательная. Поэтому нет, он переводит разговор:

– Значит, у вас дети есть?

– Двое, – отвечает она сразу и договаривает, чтобы вопросов не было, – и мужей было двое.

Теперь всё, кажется, прояснялось.

– А мужья погибли?

– Погибли, – почти с гордостью говорит она, – один, любимый мой муж, первый, в погоне за даргами в степи сгинул пять лет назад, а второй два года назад погиб, мы тогда с ватагой Васятки Бельского за Сухие колодцы сцепились, тогда много наших казаков полегло.

– Ясно, – говорит инженер, – соболезнаю.

– А не нужно мне соболезнавать, – отвечает ему женщина едва не с вызовом, – не убогая я, детей родила здоровых и крепких, ты лучше приходи ко мне пекло переждать. Через два часа жарить начнёт, а я к тому времени птицу приготовлю, запекую на камнях с луком, со сладким кактусом, у меня и водка есть из синего кактуса, сама гнала. Придешь?

«Сдаётся мне, ты тут не случайно появилась, – Горохов прикидывает, думает, как лучше ей отказать. – Нет, бабёнка хоть и недурна собой, но у неё отцы, братья, дядья, будут ещё претензии предъявлять, кто их знает, какие там у них правила, или атаману ещё не понравится, нет, так рисковать никак нельзя, в общем, делу такие «гости» никак не поспособствуют, нет, никаких «гостей».

– Извините, птица эта, конечно, на удивление вкусная, но у меня совсем нет времени, мне ещё многое нужно сделать, – наконец произносит инженер, надеясь, что разговор закончен.

А женщина вдруг засмеялась:

– Инженер, да ты, что, испугался, что ли?

Но смех её был не очень весёлый, и в нём слышались нотки презрения.

Горохова, может, это чуть и задело, но менять своего решения он не собирался, а наоборот, ещё больше захотел всё это прекратить, инженер достаёт сигареты, закуривает и говорит:

– Да, испугался малость.

Она смотрит на него удивлённо, видно, здесь, в степи, в её окружении, в её коше мужчины никогда не признавались в том, что напуганы женщиной, смотрит на него и спрашивает:

– И что, и со сколопендрами тебе не помогать, что ли?

– Если мне понадобится ваша помощь, я обязательно вам сообщу, – отвечает он, чуть улыбаясь.

– Странный ты какой-то, – говорит Самара холодно.

– Ну... не без этого, – соглашается Горохов и усмехается, стряхивая пепел с сигареты, кажется, ему теперь уже нравилось её злить.

– А может, ты того... больной..., – говорит она с явным желанием его зацепить.

– А может, и больной, – теперь он уже смеётся, не стесняясь.

Она поворачивается резко и идёт на север, поправляя мешок за спиной, а он стреляет окурком в бархан и продолжает улыбаться. Шла-шла, да и обернулась посмотреть на него, а сама, видно сразу, злая, а он улыбается и машет ей рукой: счастливо!

Впрочем, может, и зря он отказался, до стойбища тут рукой подать, а до Полазны двадцать два километра, а пекло опять будет такое, что лучше с солнца куда-нибудь убраться. Ладно, об этом он будет думать через часик, а пока ему ещё нужно кое-что померить, а заодно посчитать координаты первой возможной скважины.

А эта Самара была права насчёт сколопендр. Пока инженер колдовал с картой и геодезическим инструментом, и часа не прошло, как он опять набрёл на след этого паскудного животного.

Горохов выследил её и попытался убить, он даже учёл урок, что преподнесла ему женщина, но после первого выстрела сколопендра оказалась не там, куда он стрелял. Извивающаяся тварь вылетела вместе с фонтаном песка всего в пяти метрах от него. И второй выстрел ему пришлось делать впопыхах. И, конечно, он промахнулся. Пришлось потратить два револьверных патрона, чтобы утихомирить её. Да, к этим серым сколопендрам нужно было ещё приноровиться. Больше в это утро инженер ничего уже сделать не успел, температура уверенно ползла к пятидесяти. А так как он отказался от приглашения казачки, то чтобы не пересиживать полуденное пекло в пустыне, он решил вернуться в гостиницу, к воде и кондиционерам.

Там, у себя в номере, он ещё раз посмотрел карту и пришёл к выводу, что его карта мало чем отличается от той, которую он купил у старого геодезиста. Да, барханы, ветры, конечно, меняли ландшафт, но не саму местность. Сама низина и камни, что были южнее неё, никак не изменились. Он был уверен, что и вода, о которой рассказывал ему старый геодезист, находится всё там же. Заказав обед, Горохов провалялся до пяти часов на кровати, и лишь когда жара стала спадать, он поехал и дальше знакомиться с городом. На сей раз он хотел объехать окрестности. Взял мотоцикл, снял с него канистры с водой и топливом, но перед тем, как спуститься в гараж, остановился у двери. Карта, которую он составил, которая была почти закончена, лежала на столе. Инженер был уверен, что когда он уйдёт, в его комнатку пожалуют гости, они чуть ли не каждый день посещали его жилище. И, в принципе, Горохов был не против того, чтобы они поглядели карту. Но оставлять её вот так, на столе... Нет, это будет выглядеть так, как будто её специально тут оставили. Он берёт карту, сворачивает и прячет её под матрац в ноги, со стороны стены. А ещё он находит палочку от веника, простую белую палочку из обычной степной колючки длиной в два сантиметра, и эту палочку инженер аккуратно ставит, прислоняя её к ножке кровати изнутри. Если кровать будут двигать, палочка просто упадёт. Только после этого он покидает свой номер и спускается в гараж.

Жара ещё не отступила как следует, но восточный выезд из города весьма оживлён. Много транспорта едет и в одну, и в другую сторону. Пыль стоит такая, что ему пришлось остановиться и протереть очки, и после этого он на развилке свернул на юг, туда, где ещё больше пылил цементный завод. Он ехал медленно, внимательно осматривая окрестности, стараясь всё запомнить. Дважды останавливался, чтобы пропустить пылящие по дороге в сторону цементного завода тягачи с кучами известняка в кузовах. Пока пропускал их, оглядывался, запоминая повороты, длинную дюну на востоке от дороги, которая, опираясь на развалины, тянулась на полкилометра. Наконец он доехал до ворот завода. Ворота крепкие, забор высокий, люди с оружием. Зачем всё это? Неужели воруют цемент в таких количествах, что нужно так тратиться на охрану?

– Чего? – не сильно утруждается вежливостью один из охранников, выглядывая из будки у ворот.

– Нужно купить цемент, – отвечает ему Горохов.

Ни слова больше не говоря, охранник выходит и открывает для него одну створку ворот.

Как только въехал в ворота, сразу бросилось в глаза количество ботов. И не ботов тоже. Четыре огромных бота большими лопатами скидывали на транспортёрную ленту привезённый песчаник. А рядом с ними, внизу, стоял мужичок. Ну, мужичок и мужичок, шляпа, маска, очки, казалось бы, чего в нём такого? Стоит, наблюдает за ботами, руководит, наверное. Но зачем ему на ноги кандалы надели? А зачем вообще кандалы надевают? Прощтрафился? Должник? Преступник? Но даже не это интересует инженера больше всего. Ему сразу бросилась в глаза лента транспортёра, высокие печи, большие здания складов. Что там в городе... десять, ну, двенадцать тысяч человек, а завод вон какой. Куда они этот цемент девают? Может, строят что-то в городе? Что? Пирсы? Так они полупустые, очереди из лодок на разгрузку он не видел. Дома? Так тут семей мало, народ в основном старатели, что в Пермь ходят, они тут люди временные. Зачем им дома? А что тогда они строят? Зачем им столько цемента? И кто такие

«они»? Пресловутый Папа Дулин или ещё кто-то? Да, в этом городишке много всего интересного. Горохов глушит мотор и заходит в здание.

Глава 11

А в конторе ещё человек один таскает по бетонному полу цепь. Он не только в кандалах, у него ещё и всё лицо разъедено проказой. Бедолага проштрафившийся какой-то. Судя по всему, тут, на заводе, таких хватает. Прямо на стене, под кондиционером, висят ещё цепи с замками, ждут своих носителей, и сидит вооружённый человек. А вот люди, с которыми он разговаривал насчёт цемента, напротив, лица имели прекрасные, упитанные лица. И говорили с ним нехотя. Словно это они у Горохова цемент пришли покупать, а не он у них.

Ценник заломили немалый.

«Да что ж это такое, кто у вас весь этот ваш цемент, да ещё по такой цене, покупает?» – размышлял инженер. Но всё-таки цемент ему был нужен. Горохов, правда, ещё не мог точно сказать, сколько его понадобится. Это станет ясно, когда Дячин с Баньковским привезут оборудование и когда будет точно определена первая точка бурения.

От цемзавода он свернул на запад, чтобы объехать Полазну с юга и посмотреть знаменитое место. Переправа, мост, бетонная коробка какого-то здания. Место у обмелевшего притока реки, откуда на развалины Перми открывался живописный, но мрачный вид. А ещё вид на южную, верхнюю часть города, обнесённую стеной, в которую – пока – у него пропуска не было. Увидав у бетонной коробки солдата, подъезжать к самому мосту он не решился. Оглядевшись как следует и рассмотрев всё такую же отличную и неприступную, как и в самом городе, крепкую четырёхметровую стену, он покатил дальше на запад и доехал до главного русла реки. Доехал до зарослей красного от грибка рогоза, что тянулся вдоль всего берега. Инженер уже собрался повернуть в обратный путь – кому охота торчать там, где можно подцепить неизлечимую болезнь, – как увидел кое-что... Он стал приглядываться, даже снял очки... Вдалеке, в предсумеречной дымке и пыли, что клубилась над бурой водой, он рассмотрел ещё одну баржу. Такую же, как и вчера. Похожую, во всяком случае. Она так же плыла вверх по течению, на юг, к Перми.

«Ишь ты, да у вас тут такой трафик движения по реке, что позавидуют! Каждый вечер по барже. И что же вы в них возите? Цемент? Но где вы его грузите? На пирсах я таких барж не видел». Сумерки сгущались быстро, а баржа шла так медленно, что он не смог разглядеть, это вчерашняя баржа плыла на юг или какая-то другая. И три вопроса по поводу этих барж у него сформировались: кто? Что? Куда?

Да, в этом южном городке для него было много всего интересного. Инженер не стал ждать, пока баржа поравняется с ним, уже начинало темнеть, он завёл мотор и поехал в гостиницу.

То, что в его номере кто-то побывал, он не сомневался. Вещи трогали, аккуратно, но трогали, кровать двигали. Палочка из колючки лежала. Карту смотрели. Горохов был не против, тем более что он намеренно искажил в ней широту и долготу, если кто-то и переписывал с карты данные, он в итоге поедет копать песок совсем не в то место, где есть вода. Конечно, опытный геодезист разобрался бы с ошибкой и нашёл бы нужную точку, помотался бы по тем местам и набрёл бы на низину с цепью камней, но это инженера волновало мало. Пусть. Он всё равно уже скоро привезёт туда оборудование и начнёт бурить. А то, что его действия вызывали у кого-то интерес, так это было ему на руку. Главное, выяснить, кого так интересуют его дела: Тарасова?

Только ли его?

Он поднялся, вышел из комнаты, запер дверь, после чего, подсвечивая себе зажигалкой, внимательно осмотрел замок. Нет, и намёка на вскрытие замка не было, дверь в его отсутствие определённо открывали ключом.

В заведении, после того как жара спала, народу почти не осталось, посетители разошлись по своим делам, девицы-боты ушли в своё помещение, а в зале ловко орудовал тряпкой и шваброй странный полуголый мужик. Горохов, поглядев на него пару секунд, подумал, что, наверное, это тоже бот. Он был не таким большим, как боты-разнорабочие, но на настоящего человека этот ловкач был совсем не похож. На кухне было почти тихо, разносчица улеглась на лавке под кондиционером, решила выспаться перед ночным наплывом людей. Инженер огляделся и, заглянув на кухню, спросил у кухарки, что колдовала над большим тазом, полным мелких кактусов, где хозяйка, и та ему ответила, что она пошла прилечь к себе. Выяснив, где комнаты хозяйки, инженер, и не подумав о какой-то там вежливости, решил её поднять и настойчиво постучал в нужную дверь. Он уже знает, что будет делать.

Хозяйка явно не ожидала его увидеть, он сразу заметил тревогу в глазах этой уже молодой женщины. И она спросила:

– Я тут отдохнуть легла... Что вам?

– Уж извините, что беспокою, – не очень дружелюбно начал Горохов, – я хотел узнать, кто убирал мою комнату.

Она растерялась, не знала, что сказать:

– Что? Кто...?

– Кто убирал мою комнату? – говорит он, повышая тон. – Слышите меня? Ну? Кто?

Она рот раскрыла, но не отвечает. Глаза испуганные. Он уже понял, что хозяйка в курсе всех дел, скорее всего, она сама давала ключи от его комнаты. Надо выяснить, кому, но выяснить так, чтобы не очень на неё давить.

– У меня там, на столе, лежали бумаги, – врёт инженер, – пара листочков, все исписаны, там всё перечёркнуто, они похожи на мусор, – он говорит это раздражённо и при этом грозит ей пальцем, – но это не мусор, это черновики! Я хочу знать, куда вы их дели, у меня там были расчёты, и они мне нужны. Куда вы их дели?

– Черновики? – тупо переспрашивает женщина, так, видимо, и не находя ответа на его вопросы.

– Бумаги! Бумаги! – он не собирается отступать. – Мало того, что вы убираетесь плохо, всё в пыли, весь стол в пыли, а нужные бумаги вы выбросили! Кто убирался у меня? Это тот болван, что сейчас моет столовую?

– Нет, – женщина трясёт головой.

– А кто? Вы, что ли? – напирает инженер, подбрасывая ей идею.

– Я, я, – соглашается она, – извините.

– А где они, вы можете их вернуть? Давайте посмотрим в мусоре, – предлагает Горохов. Но это, конечно, невозможно, и она мямлит:

– Вы знаете, их уже нет, сожгла их в печи, – женщина расскажет ему, что угодно, но тех, кто копался в его вещах, она не выдаст, конечно же, от страха. – Извините.

Она боится, Горохову это уже ясно, так боится, что даже готова взять на себя вину. Скорее всего, у него в комнате были люди из службы безопасности. Значит, Тарасов. Инженер смотрит на неё всё ещё с неприязнью:

– Вы уничтожили целый день моей работы, мне придётся всё переделывать, – он делает паузу, и его как будто озаряет, – поэтому я за сегодняшний день вам платить не буду.

– Ну..., – она, конечно, согласна, лишь бы он больше не заводил разговор про бумаги. – Хорошо. Ладно, – в её голосе даже слышится облегчение. – За сегодня вы не платите.

Он поворачивается и уходит в свою комнату, больше не сказав ей ни слова. Но этого ему мало. Все выводы, к которым он пришёл, – всего-навсего умозаключения, а нужны знания. И тут около заднего выхода из дома Горохов видит девочку.

– Нина, – окликнул он её, она выносила какой-то хлам в большой корзине на улицу.

– Да, – обернулась к нему девочка.

– Как освободишься, забеги ко мне на минутку, – произнёс он. – Дело для тебя нетрудное есть.

– Хорошо, сейчас и забегу, пока клиенты не начали собираться. А что за дело?

Он только покачал головой: не сейчас, и стал подниматься к себе. Конечно, она зайдёт, он уже давал ей денег, девчонка это помнит и наверняка захочет подзаработать ещё.

Придя к себе, он вытряхнул из карманов всю мелочь, которая у него была. Тут главное – не жадничать. Инженер отобрал несколько небольших серебряных монеток. Три штуки по двадцать копеек. Выбрал самые новые, с хорошо сохранившейся чеканкой. Положил монетки на стол, себе под руку. Вскоре девочка, стукнув в дверь один раз, ввалилась в его комнату, взмокшая и запыхавшаяся.

«О, торопилась, значит, заинтересована», – думает Горохов и рукой манит девочку к себе.

– Слушай, у меня к тебе дело, – говорит он и подталкивает на край стола первую монетку.

Нинка косится то на него, то на монету, явно красивая серебряная монета ей нравится.

– А что нужно-то? – спрашивает она, но деньги не берёт. Умная девочка: сначала, дядя, скажи, что нужно, а я уже потом решу, брать или не брать.

– Да ничего особенного. – Горохов не хочет на неё давить. – Тут ко мне кто-то приходил сегодня, пока меня не было. Вот узнать хотел...

Лицо девочки сразу поменялось, инженер даже договорить не успел, раньше было настрожённое, но заинтересованное, а теперь весь интерес как ветром сдуло, она уже на деньги и не глядит. Горохов понимает: девчонка-то в курсе. Он поддвигает к краю вторую монету:

– Что, Тарасов был?

Она взглянула на него быстро. Губёнки поджала.

Он стучит пальцем по монетам, чтобы привлечь её взгляд, и повторяет:

– Тарасов?

Она взглянула на монеты. Да, от денег девочка не отказалась бы.

Нужно немного додавить, и инженер говорит проникновенно:

– Да ты не волнуйся, я никому о нашем разговоре не скажу, слово степняка. А мы, степняки, молчать умеем, веришь? Скажешь, кто был, – денежки твои.

И опять она молчит, поэтому инженер повторяет:

– Тарасов?

И тут она, к его радости, качает головой: нет. Он доволен и пытается развить успех:

– А кто тогда?

– Тарасов раньше к вам ходил, а сегодня у вас Коняха в комнате рылся, – негромко произносит девочка.

– Сегодня Коняха, значит... А Коняха – это кто? – он сдвигает монетки к самому краю стола – бери.

– Витёк Коняхин, – девочка нерешительно берёт одну за другой монетки со стола.

– Витёк Коняхин, – Горохов должен выяснить всё, – если он не с Тарасовым, то с кем он, или, может быть, он сам по себе?

– Не сам он по себе, – девочка зажала монеты в руке, – он у Юрка работает.

Кончено, Горохов знал, кто такой Юрок. Прежде чем сюда отправиться, он полистал опросы людей, тут бывавших, и имел некоторое представление о главных людях Полазны, об их взаимосвязях, об их занятиях, их доходах. И в той информации, конечно, не раз всплывало имя Юрка, но всё равно он должен был спросить, хотя бы для поддержания легенды:

– А Юрок – это кто такой?

Нинка смотрит на него почти с удивлением: как же можно этого не знать! И говорит:

– Юрок Дулин – это сын Папы Дулина, второй или ещё какой-то там.

Горохов протягивает ей последнюю монету:

– Если этот Коняха тут появится, ты мне его покажешь?

– Угу, – Нинка забирает монетку и прячет деньги, – покажу, он сюда приходит иной раз. Если сегодня появится, я к вам забегу.

– Отлично, договорились, – он поймал её за руку. – Нина...

– Что? – она смотрела на него с тревогой: ну что вам ещё, дядя?

– Ты об этом нашем разговоре никому не говори, даже матери.

– Нет у меня матери, – строго отвечала девочка.

– А хозяйка... она тебе..., – он не знал, как закончить.

– Жанат? Она мне работу дала. И на том спасибо, папка-то у меня в Перми сгинул, ходил с самим Якутом, много ходил, всегда удачно, а один раз так и не пришёл. Никто из их артели не пришёл, то два года назад было, а мамка давно от грибка померла, брат тоже. А я одна осталась. Вот у Жанат и прижилась.

Горохов погладил её по голове, но сказать ему было нечего. Ну разве что:

– Слушай, когда этот Коняха тут появится, ты мне дай знать. Ещё копеечку тебе подкину.

– Хорошо, – кивнула она, – он у нас гость нередкий.

Он отпустил её, и она быстро и с радостью – денежки-то получила немалые – вышла из его комнаты, а он закрыл за ней дверь, сел у стола, закурил. Сидел, пускал дым в прохладную струю из кондиционера, поигрывал зажигалкой. Конечно, он кое-что знал о Юрке Дулине. Читал о нём доклады, знал, что это был один из сыновей Папы. Один из двенадцати. Как о нём говорили – самый способный из всех, такой способный, что не боялся с папой конфликтовать. Давно уже сам себе сделавший имя, промысляющий по всей реке всем, что только могло принести денег, от торговли оружием и полынью до торговли людишками, которым не повезло. Да, Горохов, честно говоря, рассчитывал не на его внимание. Этот Юрок был очень опасным типом. Он был из тех, которых считают напрочь отбитыми.

Глава 12

А на улице уже ночь. Фонарей мало. Зато луна на небе полная. Тени, которые он увидел по приезде в первую ночь своего пребывания тут и которые казались ему поначалу зловещими, оказывались простыми работягами, которых в этом промысловом городе было не так уж и мало. Вот и сейчас трое таких возвращали на место недавно снятую с крыши солнечную панель. А рядом, тут же, люди грузили в прицеп связки сетей и канистры с водой, видно, собирались в степь за саранчой.

Инженер уже начал разбираться в местной специфике жизни в городе, в котором температура днём иной раз дотягивает до шестидесяти. Он видел, что все основные работы делаются тут ночью. Поэтому тоже решил не ложиться. Выяснив у хозяйки, где здесь можно нанять тягач, пошёл искать транспортную контору. Она находилась у реки, прямо у пирсов, о чём говорил большой, длинный навес, который тянулся вдоль воды и укрывал транспорт от солнца, но под которым оказалось всего одна полуразобранная машина. Остальных тягачей не было. Видимо, ночью у них была самая работа. Горохов пошёл в контору, где под кондиционером с важным видом сидела всего одна старая женщина-диспетчер с изуродованным синими желваками лицом. Её лицо ещё в самом начале разговора выражало скепсис. Она нехотя отвечала ему, попивая плохой, почти чёрный чай из грязного стакана. Из её слов он понял, что все машины заняты, законтрактованы на месяцы вперёд на каждую ночь, ну а днём даже бот в пустыне может сдохнуть.

– И по выходным, что ли? – Горохов не верил, что вопрос нельзя будет как-то решить.

– Нет у нас выходных, – всё так же нехотя отвечала старуха. – На выходных мы ремонтируемся.

– Тут не очень далеко, – пытался договориться с ней инженер, – километров двадцать пять по степи. Думаю уложиться в десять рейсов, груз негабаритный, – он приберёт козыри на конец фразы, – готов платить за рейс пять рублей.

Этот козырь не сыграл, женщина только посмотрела на него с презрением и фыркнула: пф... Пять рублей! Тоже мне...

– И что же вы так возите тут, что у вас выходных не бывает? – интересовался он.

– Поищите частников, мужчина, – не став ему отвечать, она подвела итог их разговору.

– И где же мне их поискать? – уже чуть ли не с раздражением спрашивал инженер.

Тут старуха смиловилась и назвала пару мест поблизости, где ему могли помочь.

Горохов пошёл по тёмным улицам, на которых то и дело ему встречались люди. На углу был открыт небольшой кабачок, оттуда классно пахло жареными гекконами. Лука явно не пожалели, запах на улице стоял обалденный. Блюдо, конечно, не дешёвое, пойдёшь ещё налови на барханах, но инженер уверен, что оно найдёт своего покупателя, он бы и сам похрустел, но всё-таки проходит дальше.

Один за другим проезжают навстречу квадроциклы, всё едут куда-то. Светлым пятном на улице он увидел ещё одно заведение, тут опять полуголая девица-бот, музыка. Возле пирсов вообще много заведений. Много людей. Но ни одного выстрела он тут за время пребывания не слышал.

Отчёты, что он читал о Полазне, писались давно и, кажется, давно устарели. Городок из палаток, развалин и лачуг из пластиковых листов уже перестал быть местом, где по ночам в кабаках и тёмных переулках то и дело звучали выстрелы. Папа Дулин со своими сыновьями за последние пять лет навёл тут порядок, и, судя по всему, наводил он его тут железной рукой. И теперь отсюда, не переставая, шли на север баржи, груженные медью и свинцом, алюминием и другими драгоценными металлами, которые были так нужны большим городам. А обратно, против течения, тащились сюда в лодках патроны, оружие, средства защиты, рации, транспорт, коптеры с камерами, медикаменты. Конечно, и бесперебойный поток металлов, и порядок пошли бы хозяину здешних мест Дулину в заслугу, если бы не одно «но». Уж слишком много из того оружия, что закупал Дулин, попадало в руки даргов. Этого степного бича, этих человекообразных людоедов, волны которых из года в год накатывались и накатывались на все оазисы оттуда, где вообще жизни и быть не могло, из бескрайнего песка юга. И это был вопрос серьёзный. Дарги добежали уже до самой Губахи. А иной раз, обходя её с востока, добивались и до Кизела. Там-то они, конечно, получали то, чего заслуживали, но...

Год за годом в дальних от цивилизации местах один за другим исчезали с карт оазисы, где ещё недавно жили люди. И это хорошо, если кто-то из этих оазисов успевал отойти на север. Бывало так, что населенный пункт просто исчезал вместе с людьми. Вот так – был оазис в степи, и всё там было: и хорошие колодцы, и богатые саранчой и дичью барханы, и какой-нибудь населённый пункт древних рядом, где местные могли собирать железо, а потом вдруг приходил в Березняки торговец и писал в Совет донесение:

«Такого-то оазиса больше нет. Селение песком занесло. Колодцы засыпаны. Живых там я не встретил. Но зато видел следы стойбища даргов».

И всё. А в Совете сразу и думают: а почему же люди не отбились от дикарей? А не потому ли, что у этих пятнистых тварей тоже есть оружие? А откуда у даргов оружие, причём то, которое делалось на заводах севера? Откуда у них патроны, откуда у них всё то, что, судя по оружейным номерам, когда-то покупал Папа Дулин? Сам Дулин это объяснять вразумительно отказывался. Рассказывал нелепые истории, больше смахивающие на отговорки, что, мол, что-то утеряно, а что-то украдено. Если бы не это оружие, хозяина юга Совет признал бы партнером и не имел бы к нему никаких претензий. Хотя на севере и были люди, которые хотели бы подгрести под себя те денежные потоки, на которых так удобно сидел Дулин.

Размышляя об этом, инженер дошёл до указанного дома; о том, что это был именно тот дом, он догадался по сорокакиловаттному тягачу с крепким прицепом. Он заглянул в прицеп: пыль? Провёл рукой по днищу. Нет, не пыль. Цемент.

– Э, – слышит Горохов не очень-то дружелюбный окрик за спиной, – чего ты там лазишь?

– Добрый вечер, – инженер сразу поворачивается. На пороге дома стоит мужик, он освещён со спины, лица его не разобрать. Горохов продолжает: – моя фамилия Калинин, я горный инженер. Хотел нанять тягач, там... Та фирма, что у реки, не может мне дать тягач, мне сказали, что у них все машины заняты. Но женщина из конторы дала мне ваш адрес.

– Так я тоже занят, – произнёс мужик, выходя к инженеру на улицу, – сейчас у всех работа есть. А что вы хотели?

– Отвезти оборудование на север, двадцать пять километров отсюда. Оборудование негабаритное, буровая: штанги по восемь метров, конструкции, движок, масло, вода, цемент, палатки, в общем, ходок десять нужно будет сделать.

Но хозяин тягача даже не дослушал его толком:

– Двадцать пять километров на север? Нет... Не пойдёт... Там кочевья казаков, ну их к хренам. Скажут, что, мол, тут их земля, плати за проезд, технику отнимут, ещё и самого угонят куда-нибудь. Нет, не интересно. Ну их к хренам.

– Я договорился с ними, – стал убеждать его Горохов, – они нам будут помогать, обещали охранять.

– И с кем ты, инженер, там договорился? – кажется, мужик не очень-то верит ему.

– С Васильком, он заинтересован во мне, так что ничего вам угрожать не будет.

– С Ходи-Ногой? – и это мужику не нравится. Инженер не может понять, он и вправду боится или набивает цену. – Да у него самый малый кош из окрестных, тебе бы, инженер, с Ярцевым договориться, у него в ватаге больше сотни казаков, он тут самый сильный из них.

– Я договаривался с тем, чьё кочевье мне нужно было, – поясняет Горохов. – И у меня с Васильком всё оговорено. Так что никто вас с вашей техникой не тронет.

Теперь он ждёт от водилы ответа, и тот после размышлений отвечает:

– Ну... Ну, одиннадцать...

– Что одиннадцать? – Горохов честно не понимает, о чём говорит водитель тягача. – За всё дело одиннадцать?

– Одиннадцать за ходку, за одну ходку, инженер!

– Одиннадцать рублей?! – теперь до Горохова доходит смысл сказанного. И он произносит с укоризной: – Ещё триста девяносто, и можно твой старый тягач купить вместе с прицепом.

– Ну, дело хозяйское, – разводит тот руками, – купи да вози сам. Кто ж тебе не позволит?

– Интересно, мил-человек, а сколько же ты зарабатываешь в обычный день, если ты за один день простой работы просишь одиннадцать рублей? Ты хоть похвались, – выговаривает ему инженер.

– Я на цементе три ходки за ночь делаю, по восемьдесят копеек ходка, два с половиной целковых без малого. Ночью езжу, по холодку, по накатанной дороге, а ты мне предлагаешь по жаре промеж барханов вихляться с негабаритом, моторы да передачи рвать, да ещё с казаками-охранничками. Ты уж извини, инженер... как там тебя, Калинин? Но я с тебя ещё мало прошу.

Горохову и сказать тут было нечего.

– Значит, одиннадцать рублей ходка? – он достал сигареты. – Слушай, а откуда у вас столько работы, куда вы все этот цемент возите?

– На берег, – как-то коротко ответил хозяин тягача.

– На берег, – повторил за ним инженер, по тону собеседника поняв, что дальше на эту тему тот говорить не намерен. – Ну ладно, я подумаю, если ничего дешевле не будет, я к тебе обращусь.

– Ну давай, – закончил беседу водила.

По тёмной улице Горохов побрёл, не спеша, к своей гостинице, задумчиво уступил дорогу старенькому рычащему квадроциклу, что проехал мимо, подняв пыль, постоял, закурил.

«Горы цемента. И куда Папа Дулин эти горы возит? Что он там себе строит? Завод какой-нибудь? Крепость? Еще один мост в Пермь? Что? Это, конечно, нужно выяснить. Но пока ничего, что может помешать плану, предпринимать нельзя, никаких лишних движений, не привлекать внимания, не отвечивать, покуда всё не будет готово, никуда нос совать нельзя, даже вокруг городской стены ездить больше не нужно, побольше торчать в степи, в городе поменьше. Я горный инженер, которого, кроме воды и буровых, ничего не интересует».

Едва обошёл на входе опять прицепившихся к нему ботов, едва вошёл в гостиницу, как к нему подлетела Нинка и, делая вид, что что-то моет, одним углом рта ему прошептала:

– Коняха пришёл со своими, сидят в зале в углу слева, под кондиционером. Он в чёрной рубашке, крутой такой, и зуб у него золотой.

Горохов едва заметно кивнул и прошёл в зал, на ходу снимая маску и фуражку. Конечно, он бросался в глаза, этот Коняха, сидит, шляпу не снимает. Рубашка чёрная и шляпа чёрная, на фоне всех других выделяется. У Тарасова чёрный пыльник, и этот в чёрное одет. Это, видно, у них тут форс такой, у местных уважаемых людей – таскать чёрную одежду, когда днём на улице до шестидесяти доходит. На поясе большой пистолет в кобуре, кобура глухая, модель не разобрать, но, судя по всему, полуавтоматический. На правой руке массивный золотой браслет. Сам Витя Коняхин черняв, смугл и, как говорится, «весь из себя». Сразу видно по манерам, по жестам вальяжным – человек влиятельный. Может, так оно и есть. Сидит, лениво пялится на танцующего бота, перед ним большое блюдо с жареным тёмным мясом, скорее всего, вкусные отбивные из голени дрофы, и большой, статусный стакан с пивом. С ним всё ясно, типичный местный авторитет с серьёзной крышей, и рядом, как и положено, с ним за столом сидят два человека. Как и положено, людишки даже на вид очень, очень неприятные. Один здоровенный, килограммов на сто, монголоид с давно не стриженной башкой, жёсткие волосы щёткой во все стороны торчат, а на физиономии плохо растущая щетина, взгляд у него тяжёлый, оценивающий, сам в одной майке, видно, ему даже под кондиционером жарко. Сидит, жрёт, жуёт мясо лениво, без особого удовольствия, видно, дорогая еда ему не в диковинку. А второй почти лысый, худой, с выцветшими глазами... Ну, с этим всё ясно, этот истощал на полыни. Кушает траву давно, много лет. Горохов видит, что передние зубы у него уже чёрные, все почти «сгорели». Полынь не церемонится с зубной эмалью. Наркоман, в отличие от азиата, весел, что-то бубнит, чуть наклонившись к Коняхину. Посмеивается. Таким всегда весело. В общем, одного взгляда на эту троицу было достаточно, чтобы понять одну вещь: шуток не будет. Этим убить – что рюмку с синим кактусовым самогоном выпить. Этим человека попытать, да под рюмочку – развлечение. И особенно неприятно было осознавать инженеру, что недавно вот эти вот копались в его вещах, копались осторожно, из ценностей ничего не взяв, авось не простые воры. А значить это могло только одно: что им нужно больше и что он уже у них на примете.

Карту они нашли. Да, нашли. Возможно, даже пытались скопировать. Хорошо, что он нанёс на бумагу неправильные координаты. Ведь, по сути, такая карта стоит больших денег, особенно в такой глуши, где геодезисты и инженеры люди редкие, а чистая вода стоит серьёзных денег.

Могут убить? Запросто. Если найдут кого-то, кто готов будет начать бурение в указанном на карте месте. Тут такие есть? Может и нет, но у Папы Дулина, у Юрка Дулина, да и у многих людей из их окружения денег куры не клюют. Карта есть, специалистов наймут, и потребность в Горохове отпадает сама собой, всё: «Дядя Вова, скрипач не нужен, родной».

Нет, конечно, решение ими ещё не принято. Ими? Решение будут принимать не они, не эти трое, решение будет принимать Юрок Дулин. А если он не дурак, то сначала он всё взвесит. Но сам факт неожиданной опасности, опасности, которую он не просчитал заранее, до начала дела, заставлял его собраться. Задуматься.

Мобилизоваться. Как правило, это ему помогало.

Он сел за свободный стол, вполоборота к этим троим, бросил на стол фуражку, маску, очки, полез за сигаретами и сразу стал прикидывать варианты. И первое, что пришло ему на ум, было делом простым: не тянуть с ними, не ждать, а взять завалить их всех троих сегодня до рассвета. Город тёмный, улицы узкие, инженер ни на секунду не усомнился в том, что он это сделает без труда, не те это люди, что смогут противостоять точной стрельбе и эффекту внезапности. Если придётся, здесь, на узких улочках, из темноты, из какого-нибудь проулка он сделает дело, потратив четыре патрона максимум.

Но он тут же забыл об этом варианте, это так... Сладкие грёзы. После подобных решений ему придётся сразу уносить отсюда ноги. Такие действия ставили крест на операции, которую он готовил больше года. Поэтому нужно было либо насторожиться и ждать, либо убираться отсюда. Второй вариант был предпочтительней. Да, нужно было отсюда убираться. Но вот куда...?

Пришла разносчица, и он стал заказывать себе ужин, очень поздний ужин.

Глава 13

Эти трое его тоже заметили. Они посмотрели на него пару раз и, кажется, один раз о нём говорили. А инженер делал вид, что его ничего тут, кроме еды и танцующих девиц, не интересует. И если еда была откровенно «не очень», то девицы были что надо. Тот, кто их делал, определённо знал, что нужно настоящим людям от этих биологических кукол. И лица, и бёдра, и зады были созданы на самый взыскательный вкус, а ещё они умели двигаться, ну а мозги... Да зачем им мозги? После танца женщина-бот, слезая с эстрады так и не одевшись, шла между столов, протягивая руку всем, кого видела, улыбалась, показывая ровные зубы и повторяя всего одну фразу:

– Буду рада любой благодарности. Если я вас заинтересовала, мы можем уединиться за небольшое вознаграждение.

На эту фразу у них ума хватает. И небритые пьяненькие мужички-старатели, с интересом разглядывая их, бросали им мелкие денежки в их изящные ладошки.

Пока он ел, пока поглядывал на местную ночную жизнь, принял решение уходить. И чтобы у Коняхина и его приятелей не возникло подозрений, стал заказывать себе кактусовую водку. К еде сразу три рюмки, а после того, как разносчица убрала со стола грязную посуду, ещё две. Пусть они думают, что он навеселе и сейчас отправится спать. Конечно, инженер не мог знать наверняка, что думают и что собираются предпринять люди Юрка, но ждать, пока они соберутся, он точно не хотел.

Допив последнюю рюмку, что называется, «от вольного» кинул мелочи на стол и на хмельном расслабоне пошёл из заведения к себе наверх, краем глаза наблюдая за троицей. И, конечно, отметив для себя, что его уход ими был замечен. Гнилозубый весельчак тут же, как только Горохов стал подниматься по лестнице, наклонился к старшему и что-то стал ему говорить.

Эх, знать бы, что. А пока не знаешь наверняка, нужно думать о наихудшем варианте и готовиться к нему.

Войдя к себе, он сразу стал собираться. Спать хотелось, пять рюмок водки играли свою роль, но осознание опасности не давало ему расслабиться. Он действовал быстро. Во-первых, карта. Она тут, в кармане пыльника. Геодезический инструмент, штатив, рейка, коробки, одежда, средства гигиены, сумка с лекарствами, патроны, канистры, вещей набирается много, они тяжёлые. Всё нужно собрать и перенести в гараж. До рассвета ещё два часа, выезжать по темну, мало ли... У этих может быть ночной прицел. Да и петлять по степи на перегруженном мотоцикле ночью – удовольствие ещё то. Перегруженный мотоцикл и днём-то управляется плохо, так и норовит въехать в бархан, завалиться, забуксовать в любой кучке песка, а ночью прибавь к этому ещё тучи мотылька-трупоеда, что летят на свет фары, а ещё саранча к мотыльку в придачу, и следов сколопендры в темноте не разглядеть. Остановиться и посидеть

на бархане, пока солнце не взошло, так это верный способ пауков с клещами на себя собрать. Нет, из города нужно выехать за час до рассвета. Уезжать не расплатившись? Скорее всего, хозяйка даст им знать, что он уезжает. Нет, платить он пока не будет, если будут вопросы, так он едет в пустыню работать. Или бросить вещи, а потом вернуться? Горохов закуривает, глядит на собранные вещи и, стараясь не топтать, подходит к двери. Прислушивается. За дверью тихо, негромкий гул снизу из зала, музыка, кастрюли громяхают на кухне. Инженер, сняв предохранительную скобу с кобуры револьвера, аккуратно приоткрывает дверь. В коридоре никого. Но это его не успокаивает. Он запирает дверь, спускается вниз, в зал. Троица сидит всё там же, а Коняхину принесли новый стакан с пивом. Инженер подходит к стойке, покупает пачку сигарет.

Что делать ему, он так решить и не может: эти трое выпивают, кажутся расслабленными. Может, зря он так всполошился? Ну, срисовали они его карту, но ведь он знал, что так будет. Возможно, ей заинтересовались и не те люди, на которых он рассчитывал. Тем не менее, интерес к его деятельности есть. Разве не этого он хотел? Горохову, честно говоря, сейчас было просто лень куда-то ехать. Зачем? Ночь кончается, койка есть, кондиционер есть, дверь железная с засовом, усталость уже давала о себе знать, да и выпитое тоже. Может, завалиться спать до пяти часов вечера? Инженер закурил и стал подниматься к себе, но у лестницы почти столкнулся с Нинкой, и когда та уступала ему дорогу, он услышал её шёпот, тихие, но отчётливо произнесённые слова:

– Чернозубый в гараж ходил.

Сказала и, не взглянув на него даже, тут же повернулась и понесла поднос с грязной посудой на кухню, а он развернулся и, словно что-то вспомнил, пошёл в гараж. Что он там делал, чёртов наркоман. Свой квадроцикл смотрел? Забыл что-нибудь в нём, может, траву свою? Или... Инженер идёт к своему мотоциклу. Лампочка в гараже была тусклая, но что поделаешь? Он присел рядом со своей машиной и первым делом осмотрел колёса. Давление вроде в норме, но прокол так сразу не скажется, дальше зажигание: свечи, стартер, на первый взгляд всё в порядке. А Горохов продолжает осмотр, всё трогает пальцами, и вот оно... Шланг от бензонасоса к движку! Он щупает, щупает... Надрезан. Маленький надрез, причём со стороны корпуса, так что, если не будешь искать специально, никогда надреза не увидишь. Даже сейчас он чувствует рыбье масло на пальцах, а когда насос даст давление, топливо потечёт вовсю. И течь будет на раскалённый от работы и жары мотор и горячую выхлопную. Рано или поздно, если не обратить на протечку внимания – польхнёт. Конечно, ездок не сторит, да и мотоцикл, скорее всего, потушит, но сможет ли он после этого продолжить движение? Это большой вопрос.

«Это не всё, это не всё, – повторял он про себя, осматривая мотоцикл со всех сторон, – просто так они шланг резать не будут, какой в этом смысл? Или по следу пойдут?»

И он нашёл то, о чём догадывался. Между задним крылом и стойкой амортизатора была прилеплена на что-то липкое электронная деталька с ноготь величиной. Инженеру и думать не было нужды. Передатчик. Вот теперь всё складывалось в законченную картину. Пеленг. Он поедет в степь, там у него загорится мотоцикл, и по передатчику его найдут. А для чего? Для разговора? А почему тут не хотят поговорить? Потому что Папа Дулин не любит беспредела, беспредел портит репутацию. А там степь, кто там что разберёт? Казаки, дарги, а может, человек на сколопендру налетел, на гнездо шершней, на варана, на паука... Ну мало ли что там может произойти? Это ж степь!

Да, всё вставало на свои места, и у Горохова уже не было сомнений по поводу своих дальнейших действий – нужно было убираться отсюда. И побыстрее. Молодец Нинка! Будет представлена к награде в двадцать копеек.

Он лезет в «бардачок», достаёт оттуда запасной шланг. Умело и быстро заменяет порезанный, не выбрасывает его, прячет, пусть Коняха думает, что он уезжает на повреждённом

транспорте. Теперь уже нет времени притворяться, теперь сваливать. Горохов быстро поднимается к себе, одевается, берёт вещи, спускает их вниз, в гараж, за две ходки, начинает всё это грузить на мотоцикл, крепить ремнями.

– Вы, что, уезжаете? – влетает в гараж хозяйка, она на вид обеспокоена. – Прямо сейчас?

– Да, – коротко бросает он и тут же спрашивает: – Сколько с меня?

– Даже не предупредили, – недовольно произносит женщина. И, быстро посчитав в уме, называет сумму.

«Что её огорчает? То, что он так быстро собрался, уезжает, не предупредив, или то, что такой постоялец съезжает?» Честно говоря, инженер не сильно удивился бы, если бы узнал, что бабёнка с Коняхиным заодно. Он с ней не спорит, хотя счёт считает за пределами, Горохов достаёт деньги и молча рассчитывается с ней:

– Откройте, пожалуйста, дверь.

Он сразу выехал, как только дверь гаража распахнулась, и был рад тому, что на улицах, в тихом, безветренном воздухе стояла пыль: движение на улицах города оказалось оживлённым. Кто-то ехал за саранчой, кто-то по другим делам. Ему не трудно будет затеряться. Поэтому инженер не торопился, пропускал как встречных, так и тех, кто его догонял, он не хотел выезжать из города раньше времени. До рассвета ещё больше часа, а петлять среди барханов приятнее, когда всё видно. А доехав до восточного выезда, нашёл тихое местечко между кривыми бетонными домиками, загнал в проулок мотоцикл и заглушил мотор. Опёрся плечом на стену, закурил, чуть сдвинув маску, потянул к себе свою флягу, с которой никогда не разлучался. Выдавшая виды трёхлитровая круглая фляга. На первый взгляд такая же, как и те, что носит с собой любой человек, живущий в степи или рядом с нею. Только городские в городах в них не нуждаются. Но вот его фляга была не совсем обычной, он вытаскивает её из старого кобура, а там... Половина фляги – это металлический тайник, он открывает его и прячет внутрь, ко всяким нужным вещам, и маленький передатчик, который он нашёл на своём мотоцикле. Горохов знает: стенки металлического тайника наглухо запечатывают передачу. Так что эти умники его в пустыне не вычислят. И тут ему в голову приходит мысль, что те, кто резал ему шланг, и те, кто ставил ему жучка, могут быть разными людьми, цели которых могут быть разные. «Чёрт, нужно было раньше осмотреть мотоцикл, может, передатчик поставил Тарасов! А Коняха с его людоедами мог и по следу на песке меня найти». В общем, всё было непросто, неясно и... опасно. Впрочем, как и всегда.

Инженер спрятал флягу и подумал о том, что выяснит позже, кто решил за ним следить при помощи «жучка». А пока он стоял и курил в узком проулке, глядел, как, поднимая пыль, по дороге в сторону выезда идёт и идёт разнообразный транспорт; он дождался времени, когда хоть чуть-чуть начнёт светать.

Единственным местом, где он мог укрыться, почувствовать себя в безопасности, было казачье стойбище. Но тут нужно было соблюдать осторожность. Нельзя было показать атаману Васильку, что он может притащить за собой из города какие-то неприятности. Инженер по рассвету, по прохладе, добрался до раскинутых по барханам сетей и там, конечно, нашёл и казаков с помогающими им детьми, и молодого атамана. Они все остановили сбор добычи, смотрели на него. А Горохов слез с мотоцикла и, помахав им рукой, направился к Васильку. Поздоровался с ним за руку, потом с двумя казаками, что были рядом.

– Здорово, атаман, – произнёс он, поглядывая на сети, – саранча – один молодняк.

– Двухнедельные, – согласился Лёва Василёк, – мельче, но зато вкуснее старой.

– Это да, – кивнул инженер.

На этом официальная часть переговоров была закончена, и видя, что казаки молча ждут пояснений к его появлению, он перешёл к сути вопроса: – Слушай, атаман, тут такое дело... Буровая должна прийти через пару дней, может, дня через три, мне теперь всё время тут нужно быть, посмотреть площадку для вышки, место для лагеря выбрать, сколопендр перебить, –

он указал рукой на юг, – всё это километрах в десяти отсюда будет. Мне по два раза в день мотаться в город резона нет, может, можно у тебя три дня переждать? Может, есть палатка лишняя у тебя?

Нет, Василёк, хоть и был молод, но дураком он не был точно. Он сразу Горохову не ответил, чуть подумал, а потом спросил:

– Слышь, инженер, а ты точно никого из города за собой не приволок?

– В каком смысле? – инженер делает вид, что не понимает. – А кого я должен был приволочь?

– Да мало ли... Там, в городе, всякой сволочи хватает, – Василёк говорит всё это с подозрением.

– Да никого я собой не приволок, – Горохов быстро соображает, ему уже ясно, что лучше не втягивать казаков в свои игры с Коняхиным, и он добавляет, – ладно, чтобы ты и твои люди не волновались, я поставлю палатку там же, где собираюсь ставить буровую. Но вот палатки у меня нет.

– Да пусть у нас ставит, чего там... У нас под камнями хороших мест много, – говорит один из казаков, что слышит их разговор.

Но атаман даже не взглянул в его сторону, он молчит и думает, а инженер, не дожидаясь его решения, продолжает:

– Нет, спасибо, я поставлю палатку там, – он снова машет рукой в сторону юга, – на участке, только вот палатки у меня нет.

А Лёва Василёк по прозвищу Ходи-Нога его и спрашивает, да ещё так серьёзно, с пониманием:

– Что? Прижали тебя в городе, инженер?

Выкручиваться нет смысла, Горохов и отвечает ему честно:

– Копался кто-то в моих вещах. Судя по всему, это был человек Юрка. Думаю, искал карту.

Атаман удовлетворённо кивает головой, за маской его лица, конечно, не видно, но Горохов знает, чувствует, что там, под ней, раздражающее его выражение «Я так и знал. Я! Так! И! Знал!».

– Ты же говорил, что у меня проблем с городскими не будет, – произносит Василёк, как будто с усмешкой. – А сам теперь прибежал ко мне прятаться.

«Прятаться», «прибежал», эти слова задевают Горохова. Но он должен быть спокойным, сейчас у него просто нет права на раздражение и недовольство. Да, он должен пропустить это мимо ушей, он должен быть спокойным.

– Я не так говорил, – напоминает атаману инженер, – я говорил, что с городскими я сам разберусь.

– Разберёшься? – не верит Василёк, в его тоне слышна ирония.

– Разберусь, – твёрдо говорит Горохов.

– Да ты и со сколопендрой разобраться-то толком не можешь, – уже не скрывая насмешки, продолжает атаман.

«Паскудная баба, эта Самара». Уже разболтала, по всей степи разнесла, что он промахнулся с нескольких метров. Это было неприятно. И опять Горохову приходится себя сдерживать, чтобы не ответить какой-нибудь грубостью на эти реплики казака, он опять спокойно поясняет ему:

– В ваших местах сколопендры больно хитрые.

И тут вдруг говорит атаман ему уже без иронии, без насмешки, а скорее даже холодно:

– А ты, инженер, – дурак, если думаешь, что в наших местах только сколопендры хитрые.

Эти слова и, главное, этот тон уже всерьёз не понравились Горохову, так не понравились, что он машинально, не отдавая себе отчёта, поправил на лице маску, но при этом, опуская руку, отвёл в сторону полу пыльника, чтобы рука стала чуть ближе к револьверу.

Нет, это, конечно, он сделал машинально, но это его рефлексивное движение красноречиво говорило о его состоянии. И это состояние называлось «чем чёрт не шутит». И в который раз за этот разговор, беря себя в руки, он говорит атаману:

– Разберусь я со здешними хитрецами или не разберусь, то моя забота, тебе-то что? Ты дай палатку, да сиди жди, надейся, что я разберусь и ты получишь свои деньги.

– Так и поступлю, – отвечает ему атаман. – Палатку дам, но кондиционера лишнего у меня нет, но могу двадцать литров воды в сутки давать и еды сколько съешь.

– Вот и прекрасно, – произнёс инженер, – я поеду туда, пришли кого-нибудь, пусть привезёт воду и палатку до жары.

– Пришлю, – обещал Василёк.

Горохов, не попрощавшись, пошёл к своему мотоциклу.

«Да, тут всё непросто, непросто... Положиться не на кого, опереться не на что. И вправду тут все хитрые, не хуже местных сколопендр».

Глава 14

Он поехал к тому месту, где собирался ставить буровую, там были хорошие камни, под которыми можно было поставить палатку.

Оставив мотоцикл в тени и взяв в руки обрез, он пошёл пройтись, осмотреться.

Место, ещё когда он его только увидел в первый раз, ему показалось неплохим. В тени камней нежата в утренней прохладе гекконы. Их тут много, а значит, есть чем питаться, значит, и дрофа тут должна быть. Пройдя метров двести, он нашёл следы этой замечательной птицы. А пройдя ещё столько же, нашёл еле заметный, почти заметный вчерашним вечерним ветром след сколопендры. Ему было лень, он немного устал, да ещё, инженера, честно говоря, огорчил разговор с Васильком. Ничего ему сейчас не хотелось, тем более искать эту опасную тварь в бесконечных барханах. Вот только вырос он в степи и прекрасно знал, что никакую степную опасность нельзя откладывать «на потом». Сколопендра, варан, шершни, гнездо ядовитых пауков нашёл – уничтожай сразу. Потом пойдёшь – уже не отыщешь, а опасность рядом с тобой притаится. Он «переломил» обрез, проверил патроны. Картечь и жакан, всё как положено. И не спеша побрёл по едва заметному следу многоножки.

А след был совсем плох, только внимательно вглядываясь в песок, инженер мог не потерять его, и он едва определил место, где спрячется сколопендра, но нашёл он его скорее из опыта и интуиции, чем благодаря следам, которых тут, на песке, почти не осталось. Бархан был большой, метра в три высотой, и весьма длинный, как раз какие любят дрофы, когда собирают вылезавшую из песка саранчу на вечерней зорьке. Вот только место лёжки он определить не мог. В прошлый раз он ошибся, и это при том, что след рядом с барханом был чёткий, а сейчас куда стрелять? Как поднимать тварь из песка?

Рядом, метрах в двадцати, находился пологий барханчик, он, не спеша и стараясь не скрипеть песком, взошёл на него и уселся. Солнце карабкалось вверх; недавно оторвавшись от горизонта, оно ещё не испепеляло всё вокруг, так что температура была вполне комфортной, тридцать три-тридцать четыре градуса, не больше. Инженер огляделся: никого и ничего вокруг, что могло бы привлечь его внимание, пауки и клещи уже спрятались, они солнца не любят. Он уселся на самом гребне и, положив обрез на колени, стал доставать из кармана сигареты. В степи всегда, если что-то не понятно, нужно сесть и подождать. Обязательно что-нибудь да и увидишь. Это на первый взгляд степь мёртвая, на самом деле она живёт, ну, если не считать нескольких часов дневной жары.

Он не успел закурить, как услышал ровный рокот невысоких оборотов. Двигатель был мощный, но малооборотистый. Коняхин? Это вряд ли. У таких как он, модных, дорогие дви-

гуны на инжекторах звонко заливаются высокими оборотами, а этот тарыхтит низко, сразу видно – «тележка», старье на карбюраторе, да и звук идёт с северо-северо-востока, от стойбища казаков. Но Горохов рисковать не собирается. Он сползает по песку, взводит курки, вслушивается, вглядывается, ждёт. Звук приближался, кто-то ехал с севера по его следу. Его искали. Это был кто-то от Василька, в этом инженер уже не сомневался. «Палатку везут». Он чуть привстал и увидел, как над верхушками пологих барханов что-то блеснуло на солнце. Сначала инженер не понял, что это, потом догадался. На том, кто ехал на квадроцикле, то скрываясь за барханами, то выныривая из-за них, была женская одежда. Только местные женщины расшивают свои пыльники блестяшками.

«Самару, что ли, он послал? – Горохов встал во весь рост на бархане, даже поднял руку, чтобы она его заметила. – Неужели это она?»

И она заметила, свернула в его сторону. Да, кажется, это был её расшитый пыльник. Специально Ходи-Нога её прислал? Это форма унижения такая? Когда женщина заглушила мотор и слезла с квадроцикла, он уже не сомневался, что это Самара. Узнал её по фигуре, по одежде, по маске, а она, прихватив с собой дробовик, полезла к нему на бархан, стянула маску:

– Доброго дня, инженер, – произнесла женщина, останавливаясь возле него.

– Здравствуйте, Самара, – нейтрально, и даже скорее холодно отвечал он.

– Я тебе палатку привезла, – говорила Самара, стягивая ещё и очки и беззастенчиво разглядывая его, – атаман просил.

У неё карие, острые глаза, белые хорошие зубы, она скуластая, может быть, даже привлекательная и уж точно сильная.

Она оглядывается:

– А, ты сколопендру выследил!? Молодец!

Женщина дёргает затвор, вскидывает ружьё к плечу.

«Неужели она знает, где зарылась тварь?»

Самара стреляет, почти не целясь. Выстрел! Картечь взметнула песок, и сразу за фонтаном песка из бархана рывком появляется чёрная голова многоножки. Самара первым же выстрелом попала в неё, животное ранено, дёргается из стороны в сторону, слепо поливая всё вокруг кислотой. Но это длится недолго, секунду, пока казачка передёргивает затвор и снова стреляет. И опять не целится, и даже толком не прижала приклад к плечу. Сколопендра добита, разорванная треть животного вместе с клыкастой головой вывалилась из бархана, а женщина, загоняя патроны в патронник, говорит:

– Она завсегда ложится вверх, под самый гребень, там песок немного осыпается. Так её и находим.

Но сейчас инженера волнуют не сколопендры, он смотрит на неё в упор и спрашивает:

– Это вы рассказали атаману, что я промахнулся с нескольких шагов?

Она вдруг смеётся, а зубы у неё и вправду хорошие:

– Ой, да ладно тебе! Обиделся, что ли? Стояли с бабами, про готовку говорили, как лучше козодоя готовить, я про тебя и вспомнила, сказала, что в степи повстречала. А там была жена атамана, видно, она ему по дурости бабьей и сбрехнула, – её перчатка ложится ему на локоть, – да ты не обижайся, инженер, с кем не бывает, у нас и лучшие казаки иной раз мазали.

Она успокаивает его, но тут же улыбается, улыбается немного нахально, почти с вызовом. Эта женщина Горохову стала неприятна, ну, может, и недурна собой, и зубы отличные, и стреляет на удивление, но было в ней что-то отталкивающее. А сказать точнее, отпугивающее. Посмотрев на неё внимательно и подумав пару секунд, он понимает: да она попросту была опасна, проблемная баба.

«Упрямая, дикарка, без чувства такта. Даже не скрывает своего интереса, и Бог бы с этим, в иной раз мне это даже польстило бы, но она заносчива и, скорее всего, обидчива. Рассказала про мой промах, судя по всему, в отместку за то, что я отказался приехать к ней в гости. Если

так, то она ещё и глупа и своей какой-нибудь блажью или заскоком может создать трудности на ровном месте, придумать проблему из ничего. От таких нужно и в обычной-то жизни держаться подальше, а сейчас и подавно».

Первая его мысль: забрать палатку и прогнать её отсюда. Но инженер не дожил бы до своих лет, если бы руководствовался исключительно своими желаниями, основанными на эмоциях. Он понимает, что, прогнав Самару, ещё больше разозлит заносчивую и обидчивую дикарку. А ему нужна помощь. Во-первых, ему нужно получше разузнать, что там творится внутри казацкого коша, а ещё ему нужен кто-то, кого он смог бы... Да просто послать по делам или оставить при палатке, при вещах. Горохов принимает решение не гнать женщину, но и не обманывать, а по возможности сразу провести линии, обозначить позиции, чтобы не обнадёживать её понапрасну. Да, она, может быть, не очень ему приятна и запросто может отчудить чего-нибудь, и у неё противный характер, но, кроме неё, у него в степи никого больше не было. И инженер принимает решение.

– Значит, вы привезли палатку? – спрашивает он и начинает спускаться с бархана к её квадроциклу.

– Палатку, воду, еду, две канистры топлива, – говорит она и идёт за ним следом, так и не надевая ни маски, ни очков, – всё, что дал атаман.

Горохов заглядывает в кузов, потом удивлённо глядит на женщину:

– А кондиционер тоже атаман дал?

– Нет, – отвечает Самара, – это мой. У меня другой есть, думаю, тебе, инженер, он не помешает. Тут в час дня за пятьдесят пять перевалит.

Кажется, Самара ждёт благодарности, и он согласен, она её заслужила. Кондиционер маленький, всего на четверть киловатта, но после пятидесяти пяти в тени на улице этот небольшой и старенький агрегат может создать в палатке настоящий рай в тридцать- тридцать пять градусов.

– Вот за это спасибо, – говорит он. – Вы молодец, я вам благодарен.

И она расцветает, Горохов думает, что её вообще не часто хвалили. Это видно. Самара улыбается и говорит:

– Я сейчас поставлю палатку.

У казаков палатку ставит женщина, казачка, по сути, является хозяйкой «дома». Мужчины никогда к ним не лезут ни с советами, ни с пожеланиями. Не их это дело. Горохов об этом знает, но он сразу не подумал о последствиях.

– Хорошо, – соглашается инженер, указывает рукой, – вон место хорошее, к тому камню ставьте.

Но женщина тут же не соглашается:

– Нет... Плохое там место, вечерний заряд всегда восточный, ветер будет резкий, будет трепать палатку, сорвать может, и песком закидает, лучше поставить у тех камней, палатка, да и все вещи с востока будут защищены.

Конечно, Горохов не собирается с ней спорить, она местная, ей лучше знать, какие тут ветры в сумерках дуют, он молча кивает. И она тут же прыгает в седло квадроцикла, но прежде, чем она успела запустить мотор, Горохов кладёт ладонь на руль машины:

– Самара.

– Чего? – она надевает очки и ждёт, что он ей скажет.

– Говорю сразу, я не собираюсь ни на ком жениться. Понимаете?

– Ладно, – на удивление быстро отвечает она.

Но он не убирает руку с руля и продолжает:

– Даже если вы поставите палатку, это вовсе не означает, что вы останетесь со мной. Это ничего не означает. Вы меня поняли?

– Как скажешь, инженер, – гордо говорит казачка, – я всё сделаю, как велел атаман, а там, вечером, ты уж сам решишь, уезжать мне или остаться.

Она надевает респиратор и заводит мотор. Старенький моторчик затарахтел на низких оборотах, и женщина поехала к камням ставить палатку, а он посмотрел ей вслед: да, лучше сразу ей всё объяснить.

Он развернулся и пошёл к своему мотоциклу. Солнце летело вверх, температура росла, а то, что он не спал вторые сутки, начинало сказываться.

Глава 15

Всё, за что бралась Самара, она делала умело и быстро. И тяжёлую палатку достать из кузова могла, и её крепления в грунт загнать намертво. Ну, если человек так стреляет, как она, и может водить по барханам большой и старый квадроцикл, то уж с палаткой женщина, конечно, справится легко.

Горохов пригнал к камням мотоцикл, посмотрел, как она работает, и понял, что помощь ей лучше не предлагать. Откажется. Поэтому он сгрузил с мотоцикла всё, что ему могло не понадобиться, и поехал на «точку».

«Точкой» он теперь называл место, на котором собирался поставить буровую вышку. Место это находилось в самой низине. Неплохое место, только вот песком было сильно занесено. А для «ног» буровой, чтобы она стояла как вкопанная, нужны были бетонные «подушки». И рядом с вышкой должно было быть место для большого дизельного генератора. Померил кое-что. Потом уселся в тени большого камня, достал бумагу и карандаш. У него ушло больше часа на чертёж и на предварительную оценку работ по удалению с этого места песка. Посидев в тени, посчитав, он набросал предварительные цифры. Работа предстояла немалая, но ничего необычного: неровный грунт, много песка. Всё, как и всегда, всё, как и по всей степи.

Он сидел почти неподвижно и ещё не закончил считать, когда на полу его пыльника влез маленький любопытный геккон.

«Проваливай, а то съем». Ну, это он пугал, геккон был ещё совсем маленький. Инженер ткнул в него карандашом, геккон быстро смылся, а Горохов посмотрел на небо: температура росла, день обещал быть жарким, поэтому он решил вернуться к палатке, переспать жару под кондиционером, тем более что у него на вечер были планы.

Палатка уже стояла, рядом с ней на самых малых оборотах едва урчал мотором квадроцикл, от него под жилище шёл провод. Значит, в палатке уже прохладнее, чем на улице. Самара откинула полог палатки, вышла из неё ему навстречу. На ней была одна лёгкая, почти прозрачная, самотканая рубашка из пуха колючки. Она едва доходила до колен. Ноги у неё были сильные, ступни до пальцев и щиколотки в красивых узорах татуировок. Вся она была ладной, во всей этой степной женщине чувствовалась сила. А к ней естественной добавкой шли ещё ловкость и сноровка. Эта молодая женщина, которой не было ещё, наверное, и тридцати, всё умела, что должна уметь женщина, выросшая в степи. А кроме умений... Коса толстая, зубы белые и рубашка почти прозрачная. Самара была весьма привлекательна, без всяких натяжек, может быть, и не красавица, может быть, поджара чуть больше, чем ему нравилось, но всё равно привлекательна. И женщина это знала, была уверена в своих женских чарах, видно, поэтому так легко согласилась на его условия.

«Жениться, говоришь, не собираешься? А вечером прогнать меня думаешь? Ну-ну... Ладно, инженер, давай до вечера доживём, а там посмотрим».

– Входи, инженер, – женщина откидывает полог палатки ещё больше, приглашая его войти, – обед сейчас будет готов.

В палатке на полу мягкий войлок из хорошо сбитого пуха, в углу шелестит кондиционер, перед ним стоят канистры с водой, рядом посуда уже расставлена. Крыша палатки плотная, чтобы солнце не прогрело, если лучи попадут; стены полегче. Самара босая, ну и он тогда разуется. Горохов кладёт обрез, снимает патронташ, скидывает в угол пыльник, фуражку,

маску, перчатки, очки. Садится на пол, стягивает сапоги. Самара уже рядом, встала на колени и наливает ему в пиалу воды из фляги. Казаки с водой сильно не заморачиваются, с детства пьют воду первого перегона. Горохову, конечно, не очень нравится едкий привкус йода, даже в гостинице вода была лучше, но он готов терпеть, тем более что вода, стоя возле кондиционера, хоть чуть-чуть остыла и уже не была слишком тёплой. А женщина, налив воды, поставила перед ним поднос с паштетом из саранчи, по краям которого были разложены небольшие лепёшки из гороха и кукурузы, на выбор. Тут же длинные кусочки мяса, нарезанные из вяленого бедра дрофы. Горохов берёт один кусочек мяса. Он не ел много часов, может, поэтому мясо кажется ему очень вкусным. Казачка садится рядом. Молча начинает есть. Берёт гороховую лепёшку, рукой кладёт на неё жирный паштет, в котором много свежего лука. У неё отличный аппетит. Она ест и не смотрит на него. Её руки с красивым узором татуировок быстры, но при этом ни крошки еды они не роняют. И инженер то и дело смотрит на её голые ноги, на её колени, выше колен. Когда она так близко, то рубашка кажется ещё более прозрачной. И тут она встаёт вдруг:

– Сейчас ещё кактусы принесу, положила на камни печья.

Выбегает на улицу, не обуваясь, а Горохов провожает её взглядом, наливает себе ещё воды и продолжает есть.

Синие, молодые побеги кактусов, печёные на камнях, очень сладкие.

Их нелегко собрать, их всегда мало, а тут и кактусовых полян поблизости нет. Где она только их взяла? Неужели с собой привезла? Они и вправду вкусные, чуть посыпать солью, бросить на раскалённые камни, прикрыть чем-нибудь от песка и пыли, и через час готова вкусная, хоть и не очень питательная еда. А добавить к кактусам паштет из саранчи с луком, да ко всему этому кукурузный хлеб, и вот оно – простое, незатейливое удовольствие. Он съедает большую часть кактусов, много мяса и много хлеба. И уже вытирает руки о полотенце, что привезла она.

– Ещё будешь есть? – спрашивает казачка, наливая ему воду в пиалу.

– Нет, хватит. Вы молодец, Самара, спасибо, давно так вкусно не ел.

Лучше бы не хвалил. Она сразу глядит на него высокомерно, чуть подняв подбородок, едва заметно ухмыляется, и в её взгляде опять мелькает эта её раздражающая заносчивость: а ты как думал? Что, всё ещё думаешь меня вечером прогнать? А спорим, не прогонишь?

Глупая баба словно играет с ним, словно соревнуется, кто кого переупрямит. А это как раз то, что сейчас меньше всего ему нужно. Но Горохов решил терпеть всю эту её дурь. Ему сейчас очень нужна помощница, и ещё... Охрана. Одинокий человек, как бы он ни был умен и опытен, всё равно в степи очень уязвим. А эта казачка – она похлеще некоторых мужчин будет и для охраны имущества вполне подходит.

– Я посплю, у меня вечером дела будут, – говорит он, заваливаясь на войлок под самую струю кондиционера.

– Спи, – отвечает ему Самара, а сама собирает посуду, – я сейчас посуду почишу да пойду сколопендр постреляю.

– Жарко уже, посидите тут, – он, конечно, не против, чтобы она убила пару многоножек, но ему не очень хочется сильно мучать женщину, жара на улице уже нешуточная. Уже под пятьдесят. – Жарко. Вечером пойдёте.

И опять она ухмыляется противно:

– Для городских, может, и жарко, для нас нормально.

– Сказал же вам, тут посидите, – повторяет он, не повышая тона, но вполне твёрдо.

И она, как ни странно, смиряется, принимает его за старшего, но опять не до конца, хоть немного, но по её должно быть:

– Одну убью, тут недалеко след утром видела, и вернусь.

– Одну, и возвращайтесь, – настаивает инженер и, пока она одевается и собирает посуду, засыпает.

Как хорошо в палатке, под кондиционером термометр показывает всего тридцать три. Он ни черта не выспался. Взглянул на часы. Уже пять, через два с половиной часа начнёт темнеть. У него в ногах, чтобы тоже попадать под прохладную струю кондиционера, сидит Самара. Рукодельничает и тихо мычит какую-то мелодию. Он садится, а она сразу протягивает ему пиалу с водой:

– Я тебя не будила, не знала, во сколько нужно. Думала будить после жары.

– Ничего, всё нормально, я не проспал, – сказал он, отпивая невкусной воды.

Ему снился сон. Не очень хороший. Он ехал по пустыне, а за ним, прячась за барханами, бежал... бежало то зелёное существо, делая огромные шаги. Ему редко снились сны, а тут раз и приснился, да ещё дичь такая. Он допил воду и огляделся.

Его вещи были аккуратно сложены в углу перед выходом, ремень с револьвером лежал поверх одежды, а обрез прямо под его рукой. Её одежда была там же, у входа.

Самара бросает своё рукоделье и говорит ему:

– Я убила сколопендру.

– Вы молодец, Самара, – говорит Горохов нейтрально. И тут же спрашивает. – Послушайте, а вы не встречали тут такого... ну, такого странного существа, высокого, выше человека, на двух лапах ходит. Бегает. Быстро бегает, а след у него на след дрофы похож, но только трёхпалый.

Первый раз он видит её удивлённой. Инженер понимает, что ей что-то известно, он ждёт, пока она начнёт, и она произносит:

– Антоха Сизый из соседского коша приезжал к нам месяц назад, спрашивал наших казаков, кто такого зелёного видел в степи. А над ним тогда наши посмеялись, говорили ему, дескать, перегрелся, так он и уехал. А наш дед Станислав сказал, что таких он видал в Перми. А здесь, в степи, так далеко от развалин, таким не выжить.

– А этот дед Станислав в Пермь ходил?

– Много раз, сам ватаги туда водил, пока глаза и руки не лишился, – отвечает казачка. – А что ты такого тоже видал?

«Значит, из Перми эти зелёные уже и сюда добегают?». Он кивает женщине:

– Да, видел одного такого, позавчера, кажется.

– Вот, а над Сизым все смеялись.

Горохов кивает и встаёт.

– Зря смеялись.

Очень ему не хочется отходить от кондиционера, хоть и маленький он, хоть и слабенький, но всё-таки льётся из него живительная прохлада. Жаль, что пора собираться.

– Ты есть хочешь? – Самара тоже встаёт с ним вместе.

– Куска хлеба будет достаточно, – отвечает он и начинает одеваться, на самом деле думая, что съел бы парочку кактусов, уж очень они были вкусные и, главное, сочные. В степи это самая сочная еда, всё остальное тут, как правило, жирное или вообще сухое.

– Съешь кактусов, – она берёт блюдо с едой, а там ещё осталась эта вкуснятина, казачка ни одного кактуса сама не съела, ему всё оставила.

– Это ваши остались, – отвечает инженер и берёт с блюда большой кусок жёлтого кукурузного, уже подсохшего хлеба.

Женщина убирает еду, берёт свою одежду:

– За сколопендрами собрался? Пойду с тобой.

– Нет, я еду в город.

– Атаман рассказывал, что у тебя в городе проблемы, – она тоже начинает надевать штаны, – я с тобой могу поехать.

«Да что ж вы там в вашем коше все такие болтливые, что бабы, что атаман ваш!». Горохов смотрит на неё с укором и говорит:

– Нет, вы останетесь здесь, тут у меня ценный инструмент, приглядите за ним.

Ну конечно, ей это не нравится, но спорить она не берётся, боится, что ли, ему перечить:

– А когда приедешь?

– К ночи, – отвечает он, проверяя патроны в обрезе и револьвере. Обувается, выпивает ещё воды, берёт кусок хлеба в рот и, натягивая перчатки, выходит из палатки.

Когда он думал, что ему хорошо в палатке, он ещё не предполагал, насколько. В три часа тут точно было под шестьдесят. Да и теперь его обдало зноем, как из печки. Мотоцикл стоял в тени, а весь горячий.

Пересидеть жару? Подождать ещё часик? Нет, потом придётся возвращаться ночью. Запросто можно налететь на многоножку. Тут их вон сколько. Он завёл мотоцикл и поехал за начинавшим уходить солнцем на запад, к реке. Дело у него, по большому счёту, было одно: он решил доехать до пристани, поглядеть, не приплыл ли Дячин, не привёз ли буровую. Но помимо главного дела, у него было ещё и дельце. Инженер хотел проверить одну свою мысль, он размышлял об этом последние сутки, даже когда делал расчёты или когда ел. Вот для этого и поехал к реке. И не доехав километра, остановился и полез во флягу. Достал оттуда передатчик. Осмотрел его внимательно и снова прилепил его на то самое место к мотоциклу, с которого его снял.

То, что шланг подачи топлива перерезал ему кто-то из людей Коняхина, в этом Горохов был почти уверен, а вот в то, что они же прицепили ему жучка, в это ему верилось с трудом. Тарасов? Тарасов. Даже думать об этом было неприятно, к тому же это походило на правду. Поставив передатчик, он поехал в город; если кто-то его пеленгует, то пусть думают, что он ездит вдоль реки.

Приехал в город – и первым делом на пристань, поглядеть, не пришла ли баржа. Нет, лодки новые есть, но его баржи нет. Впрочем, волноваться ещё рано, она могла прийти сюда сегодня лишь в идеальных условиях. Реальные же сроки – это завтра или послезавтра. Если Дячин не привезёт буровую через два дня, вот тогда можно будет начинать волноваться.

Горохов чувствовал, что в городе опасно, слишком всё непонятно. Но он воспринимал это чувство чуть иначе, чем другие люди. Нет, никакого удовольствия чувство опасности ему не приносило, но именно в этом состоянии тревоги он работал с наивысшей результативностью, что головой, что руками. Главное – не пасовать, не искать укрытие, а спокойно воплощать задуманное. Торчать на берегу, где ветер по пирсам гоняет красную пыль грибка, дальше смысла не было, он сел на мотоцикл и поехал в гостиницу. Предлог – он хотел помыться, причина – он хотел перекинуться парой слов с умненькой девочкой Ниной.

В гостинице народа ещё немного, или уже немного, хозяйка его увидела и обрадовалась:

– Ой, вы вернулись? Я как раз комнату помыла вашу.

– Нет... Мне комната не нужна, я уже в степи обосновался.

На лице хозяйки разочарование и вопрос, и он, видя это, продолжает: – Я бы хотел помыться, постираться, сколько это будет стоить? Кажется, два литра копейка?

Ну конечно, нет, это инженер опять читает на её лице:

– Ой, вы знаете, – с сомнением говорит женщина, и поджимает губы, – это у нас для постояльцев такие цены.

Цена и так была адская, но ему нужно задать пару вопросов девочке, и поэтому он предлагает хозяйке:

– Три литра – две копейки. – И, не дожидаясь её согласия, заканчивает торг: – Давайте тридцать литров и кусок мыла.

– Ну хорошо, – как бы нехотя соглашается она, но Горохов насквозь видит эту прожжённую торговку.

Он начинает подниматься по лестнице, и как бы вспоминает:

– Да, кстати, пришлите мне Нинку, на пару минут.

– Может, вам бота? – на всякий случай спрашивает хозяйка. – Ботов днём мы выдаём за треть цены.

Он поворачивается к ней, смотрит на неё неодобрительно и произносит:

– Мне не нужен бот, пришлите мне Нинку, на пару минут.

И, не слушая её ответа, снова идёт вверх по лестнице.

Глава 16

Бот-прислуга приволок ему в моечную комнату небольшую бочку теплой воды. На вид литров тридцать, но, зная жадность хозяйки, он подумал о том, что и тут она, скорее всего, сэкономила. Горохов был почти спокоен, он, конечно, предполагал, что если им интересуется какой-нибудь «доброжелатель» из тех, что перерезают топливопроводы или лепят передатчики на мотоциклы, хозяйка уже послала такому весточку о том, что он снова в заведении. Поэтому ему просто нужно быть начеку. Как и всегда. Он не торопясь разделся, осматривая и бросая вещи на старый вихляющийся стул. Потом разулся, остался в одном галифе, сел прямо на свои вещи, обрез положил себе на колени, закурил. Выкурил половину сигареты, прежде чем в дверь поскреблись.

– Кто? – спросил он, беря револьвер и становясь рядом с дверью.

– Это я, – донёсся из-за двери девчачий голос.

– Кто я? – ещё раз спросил он, хотя голос узнал.

– Я, Нина.

Он отодвинул засов, но открыл дверь ей не сразу, сначала приоткрыл, просмотрел в коридор за спиной девочки, убедившись, что никого там никого нет, впустил её.

Она смотрела на него молча и ждала: ну, чего? Горохов сразу достал из кармана маленькую монету в двадцать копеек. Да, деньги немалые, он ей уже много денег дал, но тут жадничать было нельзя. Ему нужны были её глаза и её молчание.

– Спасибо, – произнесла девочка, быстро хватая серебряную монетку своей натруженной рукой.

– Это тебе спасибо, хорошо, что ты мне сказала про человека Коняхина, который ходил в гараж. Кстати, а что было после того, как я уехал?

– Так Коняха и его дружки сразу за вами подорвались.

– За мной, значит, сразу уехали?

– Ага, – произнесла девочка, продолжая глядеть на него, – сразу, как вы выехали, так они следом.

– Угу, угу, – задумчиво кивал он, размышляя: «Это Коняхин, что ли, поставил мне «жучка»? Ну а как иначе он собирался выследить меня в степи ночью? По следу? Или коптером?». И, опять ничего не надумав, он спросил у Нины. – А кто-нибудь ещё про меня спрашивал?

– Конечно, – сразу ответила она, – много кто.

– Много кто? – инженер удивился. – Тарасов? А ещё кто?

– Да, Тарасов приходил, – сразу начала говорить девочка, – спрашивал меня про вас, ещё спрашивал, не убирали ли комнату за вами. Я ему сказала, что не убирали, он взял ключ и пошёл смотреть. Искал что-то. Матрас поднимал, углы осматривал, мусорку.

– Так, ну это понятно, это понятно, – задумчиво произнёс Горохов, – а ещё кто мной интересовался?

– А ещё один из-за стены, богатый.

– Богач из верхнего города? – переспросил инженер. А вот это было как раз то, на что он и рассчитывал с самого начала дела.

– Угу, – подтвердила Нина.

– И что он у тебя спрашивал?

– У меня ничего, он с хозяйкой про вас говорил, а я рядом песок в зале мела, краем уха слышала.

– Имени ты его не знаешь? Город-то у вас небольшой, тут все друг друга должны знать.

– Не-а, не знаю, я тут недавно, тем более, эти из верхнего города у нас тут редко бывают, нужно будет у хозяйки спросить. Только вы спросите сами, а то если я спрошу, она спросит, чего я лезу.

«Да, хозяйка так и спросит». Инженер был с ней согласен. Её слова звучали разумно, более чем просто разумно для девочки подростка, которая никогда не ходила в школу. Он уже был знаком с одной такой же умной девочкой, и итог того знакомства ему не очень понравился. Конечно, Нинка была другой, не похожей на ту, что он знал раньше, тем не менее Горохов приблизился к ней, словно хотел её рассмотреть или даже понюхать.

– Чего вы? – Нинка чуть отшатнулась от него.

– Ничего, – ответил он, понимая, что будь она не той, какой кажется, он всё равно не сможет этого определить. С той девчонкой всё стало ясно, только когда с её трупа приспустили штаны. С Нины штаны приспускать он не собирался. Да и с тех пор ещё и измениться всё могло. Он достал ещё одну монетку. – Если хозяйка спросит, чего я от тебя хотел, скажешь, что спрашивал про стирку вещей, хотел тебя нанять для стирки, так как скоро сюда приедут мои рабочие, и их нужно будет обстирывать. А ты пока на это согласия не дала, так как цен не знаешь.

– Ага, поняла, – сказала Нинка, кивая и опять всё так же быстро хватая монетку, – значит, вы мне стирать предлагали, если кто спросит.

Он думал спросить у девочки ещё и про цементный завод, про цемент, который тут производят явно в избытке, но решил, что на этот вопрос она вряд ли ответит, да и задавать его было... опасно. Если все дела, что он делал с девочкой, его касались напрямую, то цемент не имел к нему никакого отношения. Не дай Бог кто-то подбру или силой «разговорит» Нину, после этого и у него запросто могут спросить: какого это хрена приезжий лезет в дела местных. За такое нигде по головке не гладят. «Ладно, после...».

– Всё, иди, – произнёс инженер, отпирая дверь. И девочка быстро выскользнула из моечной комнаты.

А он задумался и стал смывать с себя пот и пыль. Тарасов, Тарасов, вот кто волновал его сейчас больше всего. Не отстаёт, не отпускает, роет и роет, словно чувствует что-то. Комнату после его отъезда опять обыскивал. Что ему там было нужно? Или просто такой служака, который не останавливается никогда? Которому никогда не бывает лень копать и, ничего не найдя, заново всё перекапывать. Эх... Знать бы, что у него там в его большой и лысой башке. Инженер домылся и в остатках воды на скорую руку простирнул самую грязную свою одежду. Выжал её и сразу надел – так даже лучше. И лишь после этого обулся, взял фуражку, накинул пыльник, по привычке проверил оружие и вышел в коридор.

Спустившись вниз, он зашёл на кухню и нашёл там хозяйку, и без всякой хитрости спросил у неё:

– А меня тут никто не искал? Просто ко мне должны приплыть люди с севера, я им писал, что остановился у вас.

– Ой, ой, простите, точно, искали вас, искали, сейчас, – она убежала на секунду в свою каморку и тут же выбежала из неё, уже с квадратом твёрдой бумаги, вернее даже, белого картона, с красивой надписью, – вот, вас искал господин Мордашёв, – она произнесла это имя почти с благоговением. – Вот, он вам оставил, если вы вдруг вернётесь, по этой карте вас пропустят в верхний город к нему в контору.

Горохов повертел в руках эту бумагу без всякого уважения. Кроме слова «Мордашёв» и красивого золотого вензеля, больше на картонке ничего не было. Он сделал вид, что это его интересует мало, и повторил:

– Ко мне должны приплыть люди с севера, я им писал, что остановился у вас. Никто с севера меня не спрашивал?

– А, приезжие? Нет, никого такого не было, – ответила она.

Он поблагодарил её и хотел уже уезжать, но тут в почти пустое заведение вошли три человека. Запылённые мужики с оружием снимали маски, отряхивались, ставили стволы к стене, рассаживались, с шумом двигая стулья. И Горохов направился к ним:

– Здорово, мужики, – произнёс он, подойдя к их столу.

– Здорово, здорово, – отвечали они.

– Вы, я вижу, в Пермь ходите? – предположил инженер.

– Ну, мы-то, может, и ходим, а ты, что, тоже туда намылился?

– Нет, я инженер, воду тут в окрестностях ищу.

– И что, нашёл? – шепеляво спросил один из старателей, у которого не было нескольких зубов в левой части рта.

– Сейчас буровую привезут и будет ясно, – отвечал Горохов.

– Ты уж найди воду, инженер, а то местную дрянь пить больше невыносимо, – произнёс сухопарый старатель. – Её тут три раза перегоняют, а всё равно, дрянь едкая.

– Тут амёбы шибко много, – рассуждал третий, – глянь в затон у пирсов, там не вода, там кукурузный кисель.

– Это да, а ты что хотел, инженер? – спросил шепелявый. – Дело есть или так... Побухать-поболтать?

– И поболтать, и вопросик один есть, – отвечал Горохов.

Тут к ним как раз подошла разносчица, не старая ещё бабёнка с почти не тронутым проказой лицом:

– Мальчики, заказывать будете или попозже подойти?

– Четыре рюмочки принесите нам, – сразу сказал Горохов.

– Кукурузного? – спросила разносчица.

– Нет, синего, – ответил он.

Кукурузный самогон самый дешёвый и самый тяжкий для головы поутру. Синяя водка гонится из кактусов, вещь благородная, пьётся легко и утром почти не мучает. Официантка уходит, а сухощавый приглашает его сесть:

– Ну, садись, инженер, что там у тебя за вопрос?

Горохов уселся на свободный стул, и пока разносчица не принесла им выпивку, заговорил:

– На участке, где я думаю буровую поставить, сколопендр много, пошёл пару дней назад пострелять их и увидел одну тварь, каких за всю жизнь в степи не видал. Так сразу её и не опишешь...

Тут официантка как раз принесла четыре рюмки с синим напитком. Быстро поставила их на стол и ушла, а инженер и старатели взяли по рюмочке, выпили все разом, и он продолжил:

– Высокая такая, зелёная, кажется. Ну, светло-зелёная, морду толком не рассмотрел, но вот ноги у неё, как у саранчи, колени назад.

– Попрыгун, – сразу произнёс сухой.

– В степи? – сомневался другой.

– Это вряд ли, – добавил шепелявый. – Они в Перми в развалинах ошиваются, сволочи редкостные.

– Очень быстрые, – добавил сухощавый.

– Это я заметил, – произнёс Горохов, – пошёл за нею, так у неё между следами метра по два с половиной, а то и все три. Шаг три метра!

– Пф..., – фыркнул шепелявый, – Шаг три метра! Ты бы видел, как эта тварь без разбега запрыгивает на второй этаж. Присядет, сволочь, соберётся вся в комок, и пока ты не прицелился, как сиганёт – и улетела в развалины... – для пояснения он выразительно махнул рукой.

Инженер сделал знак официантке. «Повторить?» – спросила та. Он кивнул. А сухошавый произнёс:

– Вот только в песке ему делать нечего. Попрыгун, он в развалинах обитает. В теньке сидит обычно. Степь ему ни к чему.

– Это верно, – согласился третий, беря рюмку, которую только что поставила на стол разносчица. – Он на нас там нападает. Прячется на этажах. А лапы передние у него как складные ножи. Когда нужно, он эти лезвия открывает, а так они у него сложены.

– Острые, что твоя бритва. И прыгает всегда на замыкающего, – добавил шепелявый.

– Значит, в степи его быть не должно? – уточняет Горохов.

– Нет, не должно. Да ну... Откуда ему там быть, – в один голос, дружно заговорили мужики.

– Значит, он мне приснился, – произнёс инженер. – Вот только не я один его там видел. Есть ещё один казачок тамошний. Ему тоже этот ваш попрыгун примерещился.

Старатели переглянулись, а потом сухопарый и спросил:

– И далеко ты его от Перми видал?

– Пятнадцать километров на северо-восток отсюда, – соврал Горохов, не нужно пока никому знать, где он надумал ставить буровую.

– Странно, не должен он вроде по песку таскаться, – сказал сухошавый и тут же продолжил, – ты, это, инженер, ещё раз увидишь прыгуна, убивай сразу. Не шути с ним.

– Не шути с ним, – поддержал товарища шепелявый, – смотри, допрыгает до тебя, так башку одним ударом лапы срежет. Срежет, как не было. Раз..., – он показал, как это будет, – и нет головы.

– И если ещё раз следы увидишь, так собирай опытных людей и идите его убивать. Не давай ему возле тебя прижиться. Иначе он обязательно кого-нибудь зарежет, жрёт-то он не мало, – подвёл итог третий старатель.

В заведении стали появляться люди, день уже шёл к концу. Горохов задумчиво покивал на слова этих опытных людей, заказал ещё три рюмки выпивки, себе брать не стал, расплатился, попрощался и пошёл в гараж за своим мотоциклом.

Глава 17

На выезде он увидел магазинчик, где продавались патроны. Дорого продавались, но он купил большую коробку в сорок штук, в основном там была картечь. Патронов у него было в достатке. Это было тем более удивительно, что патронов у него было в достатке, эти патроны были шестнадцатого калибра, а его обрез был двенадцатого. Патроны он покупал, конечно, не себе. Самара тратила свои. А он собирался завтра просить её помочь зачистить участок от сколопендр. Да и ей будет приятно, как ни крути – подарок. Или нет? Он не очень в этом разбирался. Ладно, инженер закинул коробку на багажник за задним сиденьем и поехал из города, пока солнце не закатилось за горизонт. Горохов отъехал на пару километров на юг. Заглушил мотор. Сделал вид, что остановился по нужде. Сам же влез на бархан и осмотрелся. Город и пыль большой дороги остались далеко позади. Тут воздух был относительно чистый. И вокруг он никого не увидел. Зато услышал. Вечер был почти безветренный, этот звук слышался отчётливо. В степи далеко всё слышно, и это был тонкий и далёкий звук работающих моторчиков. Коптер. Конечно, искали его. Тут больше и не было никого. Следят и следят. Очень много внимания к его персоне. Тарасов? Коняхин? Кто ещё? Да это разве выяснишь вот так просто? Конечно, он не стал вертеть головой в поисках этого наблюдательного прибора. Пусть те, кто за ним наблюдают, не догадываются о том, что он знает об их внимании. Горохов просто пошёл к своему мотоциклу. Инженер сразу понял по звуку, что коптер небольшой. Это у армейских

крупных машин была большая дальность и большая высота, а это мелочь, он сам такими не раз пользовался. Аккумулятор слабый, камера, передатчик, моторы «жрут» электричество, сигнал так себе, радиус не больше пяти километров, так что он просто уедет от него подальше. Скорее всего, это не Тарасов. У начальника безопасности должна быть техника помощнее.

Инженер отъехал на пять километров ровно на север вдоль реки, остановился. Вот тут уже было совсем тихо, ничего в небе не жужжит, а солнце уже валится за реку, к линии горизонта. Вокруг никого, до заката и вечерних зарядов час, не больше. Нужно торопиться. Он наклоняется и снимает с мотоцикла передатчик. Дальше таскать его с собой Горохов не хочет. Находит приметный камень, кладёт передатчик рядом, надеясь, что он ещё работает. Больше всего инженер хочет знать, кто прилепил ему «жучок» и кто гоняет за ним коптер. А ещё хочет знать, что их всех интересует. Разведанное им место или охотятся на него лично? Может быть, завтра он это узнает. Горохов заводит мотор и, уже торопясь и не жалея топлива, гонит мотоцикл на северо-восток.

Он успел проехать три четверти пути, прежде чем ему пришлось включить фару. Самара встретила его, стоя на камне над палаткой. Одетая, ружьё в руках. Она спустилась с валуна, когда он заглушил мотоцикл. Около палатки лежала голова сколопендры и дрофа. Горохов посмотрел, слегка пнул сапогом клыкастую голову многоножки:

– Крупная.

– Их тут ещё много, – заверила его женщина. И спросила сразу. – Ну, ты решил? Уезжать мне или остаться с тобой?

Он достал из багажника коробку с патронами, протянул ей:

– Куда вы поедете? Ночь уже, ветер вот-вот поднимется.

Она сразу схватилась за коробку, конечно, знала, что в ней, но всё равно распечатала. Ему показалось, что Самара улыбается. А он пошёл в палатку. Она пошла за ним, говоря на ходу:

– Хорошие патроны, заводские, у таких осечек не бывает.

Вообще-то осечки случались даже у армейских патронов, но об этом он сейчас говорить не хотел. Инженер вошёл в палатку, там было чуть прохладнее, чем на улице, горела лампа, пахло едой, толстая подошва сапог проваливалась в мягкий войлок на полу.

– Раздевайся, – говорит она, входя за ним следом и оставляя на входе оружие, – я проверила дом, пауков, клещей нет, блох пожгла – можешь ложиться спокойно.

Женщина сама начинает быстро раздеваться. Он скидывает пыльник и фуражку, на неё не смотрит, садится на войлок, устало стягивает сапоги, а сам спрашивает:

– Там еда ещё осталась?

– Конечно, – отвечает Самара быстро. – Много еды, я ещё привезла.

Пока он снимал сапоги, она наливала ему воду. Горохов поднял глаза... А женщина была уже без одежды, даже рубахи прозрачной не оставила на себе. Не то чтобы это его смутило... Скорее, чуть растерялся... Не ожидал, что она разденется так сразу, впрочем, в степи всё на этот счёт просто: если оставил женщину в своём доме, то твой дом становится её домом, а ты её мужчиной, во всяком случае до утра. Горохов смотрит, как женщина приносит блюдо с едой, ставит перед ним пиалу с водой. У неё не самая красивая грудь из тех, что он видел, но больше придраться не к чему, жира на её теле немного, тем не менее, и ноги, и бёдра, и зад, и плечи – всё ладное. А её смуглая, гладкая кожа вызывает желание прикоснуться, провести по ней рукой, ощутить её эластичность. Она ещё и косу свою распустила, и с распущенными волосами ей лучше. Женщина поднимает на него глаза, ни капли стеснения в её взгляде он не видит, она, даже, кажется, гордится своею статью, и ещё заглядывает ему в глаза: ну, как я тебе? Но инженер ничего ей не говорит, отводит глаза – нечего её тешить, сразу видно, она и так высокого о себе мнения, сто процентов, что считает себя неотразимой. Он начинает есть, а вечерний заряд начинает трепать и дёргать палатку. Там, на улице, сейчас не очень весело. Пыль и песок столбом. А тут светло, чисто, уютно. Инженер про себя думает: одному в палатке

было бы уныло. Это хорошо, что она приехала. Он искоса поглядывает на неё, она как раз повернулась к нему спиной.

В лампе уже начал садиться аккумулятор. Самары в палатке нет. Но она рядом, за плотной тканью стены палатки, кажется, что-то напевает. Да, точно, поёт – значит, довольна. Инженер смотрит на часы. Четыре, до рассвета чуть меньше часа, нужно вставать. Он садится, потягивается. И тут же полог палатки откидывается, внутрь заглядывает она:

– Ой, Сергей, ты уже проснулся? – спрашивает ласково.

Теперь для неё он Сергей. Вчера ночью она спросила наконец у него его имя, а до этого называла только инженером. А он начал называть её на «ты». Казачка за шею держит крупную и длинноногую уже ощипанную дрофу. Настроение у неё, судя по всему, хорошее. Горохов встаёт:

– Да, пора вставать. Поможешь мне сегодня? Побить сколопендр нужно, возможно к вечеру придёт баржа с буровой.

– Ладно, – сразу соглашается Самара, – сейчас позавтракаем да пойдём по первому солнцу, только чай холодный, а еду вчерашнюю доедим, там осталось немного.

Он соглашается.

С первыми лучами солнца они выезжают. Поехали на мотоцикле Горохова. Она сидела сзади, держала ружьё, оперев его себе прикладом в бедро, левую руку положила ему на плечо. Ехали медленно, не проехали и километра, как она воскликнула:

– След!

Указала рукой вправо. Да, молодец, увидела след сколопендры раньше него. Он заглушил мотор. Они слезли и пошли по следу и дошли до большого бархана.

– Тут, – говорит инженер, оглядывая бархан, в его голосе слышится не столько утверждение, сколько вопрос.

– Угу, – она кивает. Сама уже могла бы выстрелить, но не стреляет, даёт ему разобраться.

Он поднимает обрез, указывая оружием на песок:

– Под самым гребнем?

Самара опять кивает: да, именно там.

И только тогда инженер стреляет. Фонтан песка, и сразу за ним огромная голова многоножки вырывается из бархана. Он попал, и тут же в сколопендру стреляет казачка, и она попадает, картечь рвёт монстру кожу. Но эта сколопендра огромна, шестнадцатого калибра ей мало. Горохов таких никогда не видел. Ширина её белёсого тела сантиметров тридцать! Она вырывается из песка всем своим трёхметровым телом. Он ещё раз стреляет и снова попадает, на сей раз многоножке хватает. Многоножка заваливается на бок, а её ноги на передней части тела скребут и скребут песок. Самара тоже стреляет, хотя этот выстрел, судя по всему, уже лишний. Он взглянул на неё и видит, что казачка недовольна, а она, поймав его взгляд, поясняет с укоризной и даже с раздражением:

– Ты мне простых патронов купил, а я «магнумом» пользуюсь, будь в ружье «магнум», я её первым выстрелом добила бы.

Вчера вечером она о патронах ничего ему не сказала. Вчера они её устраивали. А ночью так вообще была такой ласковой, он и поверить не мог, что это она, а тут вон как сразу... Всё-таки тяжёлый у неё характер.

– Мы здесь не на соревнованиях, – спокойно отвечает Горохов и, на ходу заряжая обрез, идёт к мотоциклу.

Следующую сколопендру они нашли только через два часа. За это время успели объехать большой кусок территории и подстрелить ещё одну дрофу.

Вторая многоножка была небольшой. На неё они потратили по одному патрону. И прежде, чем Самара уселась за ним на мотоцикл, она спросила:

– Сергей, ты гекконов ешь?

– Ем, – отвечает он, – а почему ты спрашиваешь?

– Я слыхала, что городские их не едят.

– Я не городской.

– Тогда поехали к тем камням, вон, видишь? – казачка указывает на группу невысоких камней. – Как раз место для гекконов удобное. Возьмём пару десятков, вечером нажарю. Я их вкусно делаю.

Инженер направляет к камням мотоцикл.

Он, опершись на седло мотоцикла, закурил, поглядывая по сторонам, а она, закинув дробовик за спину, полезла на камни ловить ящериц. Горохов взглянул на неё: ловкая, такая наловит ужин быстро. Но она почти сразу спустилась с камней, показала ему голову крупного геккона и сказала:

– Нет тут их, кто-то собрал до нас.

– И кто же это? Может, ваши? – спросил он, а сам смотрел на голову ящерицы. Голова с частью туловища была ровно отрублена.

– Может, и наши, – отвечала Самара, – но что-то моторов я утром не слыхала.

И Горохов никаких моторов не слыхал, это показалось ему странным, и он на всякий случай уточнил, обводя рукой местность:

– Но это всё ваши уголья?

– Наши, от стойбища до города и до реки всё наше, – сразу ответила казачка.

Не то чтобы он что-то почувствовал, но нехорошая мысль у него в голове появилась: казачья земля, какой дурак рискнёт сюда сунуться, да ещё забирать у степных их еду? И при этом звука моторов за всё утро они не слышали. Не пешком же этот смельчак сюда пришёл? Это совсем ему не нравилось. «Жучки» на его мотоцикле, обыски, теперь вот это на участке, где он собрался бурить; инженер ещё не додумал мысль до конца, а Самара ему уже предложила:

– Давай следы посмотрим.

Он кивнул и встал:

– У тебя магазин полон? – он уточнил это на всякий случай.

В ответ она взглянула на него так, словно кипятком плеснула. Горохов даже засмеялся, встряхнул головой: да что ж за баба такая злая? И пошёл обходить камни с западной стороны, а Самара снова полезла на них, чтобы посмотреть на округу сверху.

Искать долго ему не пришлось.

– Сергей, – кричала с камней казачка, – ты где? Я ещё куски ящериц нашла. Все порубленные.

– Спускайся, – отвечал он ей, а сам уже присел возле подножия камня, где в тени что-то разглядывал на земле.

Она быстро спустилась и присела рядом:

– Ну? Что?

Он указал ей едва заметный след на грунте. Тут, под камнем, след был скрыт от ветра, и его не замело пылью за ночь. Рядом валялся кусок геккона, голова и часть тела с одной передней лапой. Ящерицу не кусали, срез ровный.

– Это след такой, что ли? – спросила Самара. – И что это за зверь?

Два длинных пальца вперёд, один мощный назад.

– Так как того казачка звали, над которым вы смеялись? – вспомнил Горохов.

– Так то Антоха Сизый, – сказала Самара и тут же пояснила: – Он с детства малость с придурью был, вот над ним и посмеялись по привычке. Не поверили, – она смотрит на кусок ящерицы, носком сапога переворачивает его.

– Не поверили, а зря, – Горохов встал, взвёл курки на обресе и пошёл дальше обходить камень, надеясь найти следы. – Не врал ваш Антоха Сизый, бродит тут этот зелёный.

– А чем он ящериц рвёт? Вроде не зубами, вроде как рубит, – она идёт за инженером следом.

– Я со старателями в городе переговорил, – отвечает ей Горохов, – они рассказывали, что у него передние лапы как складные ножи, говорили, что он человеку голову на раз отсекает за один взмах. Они прыгуном его называли. Говорили, что в Перми таких встречали.

– Откуда он тут? Из Перми, что ли, прибежал? Не ближний свет. Отродясь у нас таких не было, – говорит женщина озадаченно.

Горохов смотрит на неё, как на несмышлёного ребёнка:

– Степь из года в год меняется, тебе ли это не знать? Вчера их тут не было, а завтра будет больше, чем даргов.

Они находят следующий след прыгуна, затем дальше ещё один.

– Сожрал наших гекконов и ушёл на Обманку, – говорит Самара.

– А что там на этой Обманке?

– Да ничего, развалин немного, и всё, там город был когда-то. Старатели оттуда давно весь металл собрали, саранча есть, но от реки далеко, колодцев там нет, вот больше и не ходит туда никто.

Горохов чуть помолчал задумчиво. А потом произнёс:

– Ясно... Ладно, сегодня обойдёмся без жареных гекконов. Поехали отсюда.

Самара спорить не стала и молча пошла за ним. Они вернулись домой, она хотела зайти в палатку, но инженер её остановил:

– Езжай к стойбищу.

– Чего? Это чем же не угодила? – не поняла она, и сразу из неё её высокомерие полезло. Сразу, с пол-оборота заводится баба.

– Езжай к своим, вечером вернёшься, – пояснил инженер. – Я в город еду, вернусь тоже к вечеру. Одну тебя тут оставлять не хочу.

– Это почему ещё? – не понимает она. – Из -за этого прыгуна? – и тут же опять этот её глупый апломб. Она фыркает. – Пфф. Ещё какую-то гадину не боялась, ружьё авось при мне...

Горохов уже хотел вспылить. «Безмозглая саранча!». Хотел выругать её, но успел взять себя в руки: «надо терпеть, надо успокоиться». Он смотрит на неё и произносит:

– Не пойму одного: как тебя с таким характером два раза замуж брали? Вот что тебе не ясно? Сказано же, езжай в кош, вечером приедешь обратно. Что ты рогатишься вечно на каждом шагу?

Кажется, его слова её задели, казачка смотрит на него по-детски обиженно и говорит:

– Может, норы у меня и не очень мягок, да зато дом исправно держу, и ночью меня мужья любили.

Ну, тут он с ней спорить не стал, упрямая и заносчивая днём, ночью она была на удивление ласковая и мягкая, нежная и ненавязчивая, как в ней это всё уживалось, ему понятно не было. Он молча пошёл в палатку и вытащил из своих вещей банку консервированных персиков, вышел, протянул ей банку и сказал по-доброму, почти уговаривая её:

– Езжай в стойбище, не хочу оставлять тебя тут одну. Говорю же, этого зелёного и серьёзные мужики-добытки побаваются. К вечеру вернёшься. И оружие держи под рукой.

– А вещи? – она с интересом стала рассматривать банку. – Вещи твои не надо сторожить?

– А что, по вашим кочевьям без разрешения Василька кто-то осмелится шастать и вещи чужие брать? – уточнил инженер.

– Да нет, – отвечала Самара, – никому мы такого не позволяем.

Он развёл руками: ну, вот тебе и ответ. И завёл мотоцикл.

Глава 18

Первым делом «жучок». Инженер приехал на место и не нашёл у камня передатчик. Забрали. Зато нашёл относительно свежие следы от колёс квадроцикла. Машина, судя по

ширине колеи, которую оставляла, была немаленькой, а протектор на её колёсах был почти новый. Это всё, что он мог выяснить о тех, кто поставил ему «жучок». Коняхин? Нет, на его счёт Горохов не сомневался, не тот тип. Коняхин пытался найти его в пустыне вовсе не для любезных разговоров. В общем, «жучок» поставил не Коняхин, но оружие нужно держать снаряжённым всё время. Дальше снова пирсы. Он опять приехал в нижний город и первым делом направился к стоянкам лодок. Но баржи, которая должна была привезти буровую, он не увидел. А она, по его прикидкам, уже могла вполне себе приплыть. Жаль, жаль. Хотелось закурить, но тут ветер с реки принёс красное облако пыли, и он поспешил убраться с пирсов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.